

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССС.

1895.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
О. П. Леонтовичъ. Ословный типъ территориально-административнаго состава литовскаго государства и его причины (окончаніе)	1
Д. В. Айпаловъ. Мозаики IV и V вѣковъ (окончаніе)	21
А. П. Нечасовъ. Объ отношеніи Крылова къ наукѣ	72
П. Д. Драгановъ. Международное значеніе Крылова и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностранныя языки и нарѣчія	85
А. М. Ону. Изданія текстовъ по новой исторіи	116
Ө. П. Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о флорентійской уніи	131

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П. Соболевскій. Очерки изъ литературной исторіи Синодика. <i>Е. В. Пятусова</i> . С.-Пб. 1895.	185
В. Ө. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XVIII, XIX и XX. Тифлисъ. 1893.	193
М. К. Любавскій. Начальная исторія малорусскаго козачества.— Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго. <i>И. Каминна</i>	217
В. В. Синовскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1894. <i>Ивана Козловскаго</i>	244
С. К. Вулицъ. Замѣчанія на „Замѣтки по славянской грамматикѣ“ проф. Соболевскаго	253
— Книжныя новости	258
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Императорское Русское Археологическое общество въ 1894 году	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	7
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Н. Н. Вулицъ (некролюъ)	18
— Д. А. Ровинскій (некролюъ)	20

ОТДѢЛЪ КЛАСИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Г. Мищенко. Къ Полюбію (продолженіе)	1
Georgius Schmid De Aristoph. vv. 1105 sqq.	7
G. Saenger. Альбухара. (Откъ Мицковича, переводъ на латинскій).	9
А. І. Маленнъ. Марціалъ и Лукиллій, поэтъ греческой антологіи.	12

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 4-ю іюля).

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ СКАЗАНІЙ О ФЛОРЕНТІЙСКОЙ УНІИ.

Среди произведеній древне-русской письменности далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ сказанія о Флорентійской уніи. Эти сказанія—съ одной стороны—сочиненія историческія, потому что въ нихъ разказывается исторія Ферраро-флорентійскаго собора (1437—1439 гг.) и судьба Флорентійской уніи въ Россіи, съ другой стороны—полемиическія, такъ какъ въ нихъ исторія дѣлается средствомъ полемики противъ латинянъ. Эти оригинальныя историко-полемиическія произведенія цѣнны въ томъ отношеніи, что представляютъ изъ себя единственный первоисточникъ для исторіи Флорентійской уніи въ Россіи и вскрываютъ предъ нами важнѣйшій моментъ въ развитіи русскаго церковно-политическаго самосознанія. При всей своей неоспоримой научной цѣнности эти сказанія до сихъ поръ не обслѣдованы еще полно и всесторонне въ критико-библиографическомъ отношеніи, хотя уже изучены со стороны своего идейнаго содержанія¹⁾. Конечно, у г. Павлова въ его трудѣ: „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики“, можно найти цѣнныя критико-библиографическія указанія относительно вышеуказанныхъ сказаній, но эти указанія кратки и многого не затрагиваютъ въ этой области, что и понятно, такъ какъ уважаемый профессоръ не имѣлъ въ виду написать специальнаго, обстоятельнаго критико-библиографическаго обзора этихъ сказаній. Постараемся же, отчасти пользуясь указаніями по-

---

¹⁾ См. нашу статью: „Флорентійская унія (по древне-русскимъ сказаніямъ) и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси“. *Странникъ*, 1898 г., сентябрь-ноябрь.

ченнаго профессора, на основаніи имѣющихся у насъ печатныхъ изданій и рукописныхъ списковъ сказаній о Флорентійской униі, восполнить этотъ пробѣлъ, посвятивъ критико-библиографическому обзору этихъ сказаній специальную монографію.

Русскаго митрополита Исидора (1437—1441 гг.), какъ извѣстно, сопровождалъ въ Италію на Ферраро-флорентійскій соборъ епископъ суздальскій Авраамій, по тому времени очень образованный человѣкъ. Исидоръ, считавшій всѣхъ русскихъ епископовъ „некнижными“, взялъ Авраамія съ собой, надѣясь впоследствии расположить его въ пользу своихъ уніональных плановъ и по возвращеніи на Русь опереться на него, какъ на свидѣтеля, имѣвшаго авторитетъ по своему образованію въ глазахъ некнижнаго русскаго духовенства. Во всякомъ случаѣ Авраамій былъ любознательный человѣкъ и любитель всякаго рода описаній, если судить по его литературному труду—„Исхоженіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945“¹⁾). Собираясь ѣхать въ неизвѣстныя страны, онъ, какъ человѣкъ любознательный и образованный, выбралъ изъ своихъ подчиненныхъ двухъ книжниковъ—способныхъ къ писательской дѣятельности лицъ—и поручилъ имъ вести дневникъ путешествія и пребыванія въ заморскихъ государствахъ. Это были іеромонахъ Симеонъ и другой неизвѣстный намъ по имени суздалецъ—вѣроятно свѣтскій чиновникъ архіерейскаго суздальскаго двора—попросту архіерейскій дьякъ. Въ видахъ удобства епископъ Авраамій раздѣлялъ между ними трудъ: дьяку поручилъ описывать путь во Флоренцію и обратно на Русь, вести официальный дневникъ, іеромонаху—описывать самый соборъ, записывать соборныя пренія. На это условленное раздѣленіе литературнаго труда ясно намекаетъ и самъ Симеонъ въ своей Повѣсти: „и мнѣ ту бывшу, говоритъ онъ въ началѣ своего сочиненія, и писавшу ми въ той часъ ихъ словеса и прѣнія“²⁾), или по другой редакціи: „бывшу съ ними и мнѣ иноку Симеону, иже

¹⁾ Это „исхоженіе“ напечатано г. А. Поповымъ въ его сочиненіи: „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV вѣкахъ)“, 400—406 стр.; оно несомнѣнно принадлежитъ Авраамію: см. у митр. *Евсмія* въ его „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина“, т. I, 4, и у преосв. *Филарета* въ его „Обзорѣ русской духовной литературы“, т. I, 138.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 9 л. Эта рукопись напечатана г. *Павловымъ* въ его сочиненіи: „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики“; см. приложение X.

писаше пренія святительская съ папою¹⁾. Но особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто Повѣсти, гдѣ авторъ, начавши было описывать Флоренцію, съ поспѣшностію оговаривается: „и того всего не могу исписати, но се о сборѣ пишу“²⁾. Что касается са-мого Авраамія, то онъ также взялъ на себя трудъ описывать особенно поражавшія его диковины, помогая своимъ книжнымъ спутни-камъ. Къ сожалѣнію, изъ подобныхъ записей, которыя, вѣроятно, со-ставляли одно цѣлое подъ общимъ заглавіемъ: „Исхоженіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945“³⁾, сохранился до нашего времени одинъ только отрывокъ. Этотъ отрывокъ посвященъ описанію сценическаго представленія Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей⁴⁾. Та-кимъ образомъ, епископъ Авраамій, іеромонахъ Симеонъ и неизвѣстный суздалецъ—предполагаемый архіерейскій дьякъ—составляли изъ себя нѣчто въ родѣ литературнаго товарищества. Такъ представляется намъ дѣло. Скажемъ прежде всего о *Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца*—такъ условимся на будущее время называть днев-никъ путешествія⁵⁾.

Въ неполномъ своемъ видѣ Путевыя Записки неизвѣстнаго суз-дальца были напечатаны Новиковымъ въ его Древней Россійской Вивліюнкѣ; въ первомъ изданіи Вивліюнки эти записки помѣ-щены въ ея IV части на стр. 293—321, а во второмъ—въ VI части на 27—48⁶⁾. Нужно здѣсь замѣтить, что въ изданіи Нови-кова Путевыя Записки и Повѣсть объ осьмомъ соборѣ напечатаны вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Путешествіе Исидора митрополита на Флорентійскій соборъ въ 6945 году“⁶⁾. Это зависѣло отъ того, что у Новикова при изданіи подъ руками былъ именно тотъ списокъ, въ которомъ Путевыя Записки и самая Повѣсть объ осьмомъ соборѣ

¹⁾ Вышеуказанное сочиненіе *А. Попова*, 345.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 15 л.

³⁾ *А. Поповъ*, 400—406.

⁴⁾ Мы будемъ говорить о *Путевыхъ Запискахъ*, во первыхъ, ради полноты настоящаго обзора, а, вторыхъ, потому, что съ этими Записками намъ при-дется еще имѣть дѣло впереди при объясненіи происхожденія одного историко-полемическаго сочиненія.

⁵⁾ Мы будемъ цитировать *Путевыя Записки* по 2-му изданію *Древней Рос-сійской Вивліюнки*.

⁶⁾ *Древняя Россійская Вивліюнка*, ч. VI, 27.

были соединены вмѣстѣ. Издавая этотъ подлинникъ, онъ отдѣлялъ текстъ Путевыхъ Записокъ отъ стоящей за ними Повѣсти слѣдующимъ своимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: „Здѣсь кончится журналъ митрополита Исидора; слѣдуетъ историческое описаніе сего флорентійскаго собора, и преклонность Исидора къ Римской вѣрѣ“ ¹⁾. Рукопись, которую издалъ Новиковъ въ своей Вивліоникѣ, найдена была имъ въ Синодальной библіотекѣ ²⁾. Въ настоящее время этой рукописи, какъ кажется, не находится тамъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ А. С. Павловъ: „что касается до подлинника Новиковскаго изданія, который долженъ находиться въ Синодальной библіотекѣ, то по наличнымъ инвентарямъ мы не могли до него добраться. Указаніе Сахарова на № 329 (нынѣ 448), повторенное и въ описаніи Горскаго и Невоструева (отдѣл. II, ч. 2-я, стр. 210; ср. стр. 479), оказывается неправильнымъ: здѣсь находится только начало „Путешествія“ ³⁾. Добавимъ отъ себя, что подобную неправильность допускаетъ и архимандритъ Леонидъ ⁴⁾.

Путевыя Записки въ изданіи Ночикова начинаются такъ: „лѣта 6945 (1436) поѣхалъ Митрополитъ Сидоръ съ Москвы, на Рождество святыя Богородицы (сентября 8-го)“ ⁵⁾. Москва была сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ спутниковъ Исидора и исходнымъ пунктомъ путешествія: поэтому Путевыя Записки и начинаются съ этого города; затѣмъ продолжаются до Феррары. Далѣе говорится о членахъ Феррарскаго собора, и представляется перечень соборныхъ засѣданій съ точнымъ указаніемъ мѣсяца и числа, въ которые они имѣли мѣсто. Послѣ этого описывается путь изъ Феррары во Флоренцію, куда былъ перенесенъ соборъ, и сама Флоренція; далѣе идетъ перечень соборныхъ засѣданій, и наконецъ описывается обратный путь изъ Флоренціи до Будина (Буда-Пешта). Этимъ городомъ и оканчиваются Путевыя Записки въ изданіи Новикова.

Въ рукописномъ полемическомъ сборникѣ противъ латинявъ, принадлежащемъ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, въ ряду прочихъ статей находится списокъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго

¹⁾ Тамъ же, ч. VI, 48.

²⁾ Тамъ же, ч. VI, 70.

³⁾ Вышеуказанное сочиненіе г. Павлова, 92 стр., примѣчаніе 2-е.

⁴⁾ Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ Московской Духовной Академіи. Выпускъ 2-й. Москва. 1887 г., 168.

⁵⁾ Древняя Россійская Вивліоника, ч. VI, 27.

суздальца ¹⁾). Въ этомъ сборникѣ Путевыя Записки не имѣютъ никакого заглавія. Онѣ и начинаются и оканчиваются точно такъ же, какъ и Путевыя Записки изданія Новикова, то-есть, начинаются съ Москвы и оканчиваются Будиномъ. При сличеніи Путевыхъ Записокъ сборника и Новиковскаго изданія мы замѣчаемъ въ текстѣ тѣхъ и другихъ полное тожество, которое по мѣстамъ нарушается не важными вариантами. Въ сборникѣ и у Новикова въ его Вивліоеникѣ Путевыя Записки не имѣютъ конца; онѣ оканчиваются городомъ Будиномъ—тамъ, гдѣ еще не оканчивалось обратное путешествіе изъ Италіи митрополита Исидора и его спутниковъ. Путевыя Записки въ полномъ своемъ объемѣ отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля еще не изданы и находятся въ рукописи Московскаго публичнаго музея № 939, лл. 43—58, XVII вѣка. Этотъ музейскій списокъ именно въ силу своей законченности, цѣльности есть вѣрная копія оригинала Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца, который долженъ былъ описывать путешествіе отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля, куда онъ и прибылъ наконецъ вмѣстѣ съ епископомъ Аврааміемъ въ четвергъ 29-го сентября 1440 г. ²⁾). Мы сличали этотъ музейскій списокъ съ Путевыми Записками сборника и Вивліоеники: всѣ они почти тождественны, исключая, конечно, того, что музейскій списокъ, какъ уже сказано было выше, полнѣе двухъ остальныхъ. Но чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что Путевыя Записки по музейскому списку доводятся до Суздаля, тогда какъ Путевыя Записки Сборника и Вивліоеники оканчиваются Будиномъ? Мы на это дѣло смотримъ такъ: какой нибудь русскій книжникъ, списывая для себя Путевыя Записки, опустилъ ту ихъ заключительную часть, гдѣ описывалось путешествіе отъ Будина до Суздаля, опустилъ просто потому, что считалъ эту часть неважной и неинтересной для себя; вѣдь разнаго рода сокращенія, интерполяціи, передѣлки были во вкусѣ древне-русскихъ книжниковъ. Такъ могъ получиться списокъ Путевыхъ Записокъ въ ихъ неполномъ видѣ. Дѣйствительно, въ той части Записокъ, гдѣ описывается путешествіе отъ Будина до Суздаля, нѣтъ ничего интереснаго: здѣсь

¹⁾ № 80. Сборникъ принадлежитъ XVII вѣку, писанъ крупнымъ полууставомъ въ листъ. Сборникъ содержитъ въ себѣ 35 тетрадей (счетъ не по листамъ, а по тетрадямъ). Путевыя Записки въ этомъ сборникѣ занимаютъ 4—8 лл. 82-й тетради и 1—5 лл. 82-й тетради.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, л. 58.

почти исключительно указываются разстоянія одного города отъ другаго ¹⁾).

По характеру своему дневникъ неизвѣстнаго суздальца представляетъ изъ себя въ точномъ смыслѣ путевыя записки, въ которыхъ вполне объективно, спокойнымъ тономъ разказывается о томъ, что видѣли русскіе на пути своемъ въ Феррару и Флоренцію и обратно, и что совершилось предъ ихъ глазами въ этихъ итальянскихъ городахъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда какого нибудь полемическаго задора, чувства вражды къ латинству и споспѣшникамъ уніи. Исидора авторъ Путевыхъ Записокъ называетъ официальнымъ титуломъ „Господинъ“ безъ обозначенія имени и не позволяетъ себѣ даже намека на приверженность его къ уніи. Горячіе богословскіе споры на Ферраро-флорентійскомъ соборѣ не захватывали его вниманія. Зато онъ съ чисто канцелярскою точностію перечисляетъ членовъ собора и ведетъ журналъ (указатель мѣсяцевъ и чиселъ) соборныхъ засѣданій. Заключение уніи на такихъ постыдныхъ для Восточной Церкви условіяхъ не вызываетъ въ авторѣ горькаго чувства разочарованія: онъ говоритъ вполне спокойно: „написаша грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу“ ²⁾). Нужно сознаться, что опредѣленіе Флорентійскаго собора выражено уже въ слишкомъ краткой и примитивной формѣ—совсѣмъ не по-богословски. Вообще у неизвѣстнаго суздальца удивительная выдержанность — и это въ моментъ такихъ горячихъ богословскихъ дебатовъ! Всѣ вышеуказанныя особенности Путевыхъ Записокъ вполне подтверждаютъ высказанныя нами раньше предположенія объ ихъ авторѣ. Неизвѣстный суздалецъ былъ мірянинъ; поэтому онъ естественно не знаетъ вѣроисповѣдныхъ разностей, а отсюда у него такое простодушное, нехитрое замѣчаніе объ опредѣленіи Флорентійскаго собора: „написаша грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу“. Если дневникъ неизвѣстнаго суздальца отъ начала и до конца строго выдерживаетъ характеръ именно путевыхъ записокъ, не имѣетъ въ себѣ полемическаго элемента, то

¹⁾ Тамъ же, см. всю послѣднюю часть—отъ Будина до Суздаля,—которая начинается съ 56 л. и кончается на 58 л. Нужно здѣсь кстати замѣтить, что эта послѣдняя часть уже не упоминаетъ объ Исидорѣ, который, какъ извѣстно, замѣнился въ Лятевѣ и только 19-го марта 1441 г. прибылъ въ Москву, слѣдовательно спустя очень значительное время послѣ прибытія туда Авраамія и неизвѣстнаго суздальца. Часть свиты съ Аврааміемъ во главѣ отдѣлилась отъ Исидора, вѣроятно, еще въ Будинѣ.

²⁾ *Древняя Россійская Визіювика*, ч. VI, 42.

это могло зависѣть отъ напередъ данной его автору программы. Симеону, какъ мы уже сказали, епископъ Авраамій поручилъ описывать соборъ, а нашему автору—главнымъ образомъ путь въ Италію, пребываніе тамъ и обратное путешествіе на Русь. Поэтому, если Симеонъ говорить про себя, что онъ не можетъ пускаться въ разнаго рода описанія и долженъ писать именно о соборѣ: „и того всего (Флоренція и ея чудеса) не могу исписати, но се о соборѣ пишу“¹⁾, то подобное могъ сказать про себя и авторъ Путевыхъ Записокъ, именно, что онъ долженъ ограничиваться описаніемъ пути и вѣшной стороны собора и потому не можетъ касаться преній и вдаваться въ полемику. Да еслибы и не существовало подобнаго ограниченія, неизвѣстный суздалецъ, будучи міряниномъ, не могъ интересоваться утонченными богословскими спорами на соборѣ: не его ума это дѣло. Въ отношеніи вражды къ латинству мірянинъ того времени, конечно, уступалъ клирику, у котораго это чувство сильнѣе было развито уже въ силу его профессіи (ex professio): поэтому и неизвѣстный суздалецъ могъ сдержать еще свою антипатію къ латинству и не выразить ея тамъ, гдѣ она была не у мѣста, то-есть, въ своихъ Путевыхъ Запискахъ. Наше предположеніе, что неизвѣстный суздалецъ былъ мірянинъ, подтверждается слѣдующей замѣткой дневника: „въ томъ же градѣ (Феррарѣ) ясти купихомъ, яловица 20 золотыхъ; боровъ 5 золотыхъ...; а баранъ 2 золотыхъ; гусь—три гроши, кура—три гроши...“²⁾. Почти невозможно предположить, чтобы такая замѣтка могла принадлежать монаху. Мясоденіе въ нашихъ полемическихъ сочиненіяхъ всегда ставилось въ укоръ латинскому монашеству и, понятно, православный инокъ, живя во „Фрязѣхъ“, не сталъ бы, конечно, покупать мяснаго. Понятно, подобная замѣтка могла принадлежать если не монаху, то кому нибудь изъ блага духовенства; но мы уже высказали раньше свое предположеніе, что авторъ путевыхъ записокъ не духовное лицо, а мірянинъ. Онъ былъ именно дьякъ: за это отъ начала и до конца ручается канцелярская точность дневника; особенно этою точностію отличается указаніе разстояній между городами, которые встрѣчались русскимъ на пути въ Италію и обратно, и журналъ соборныхъ засѣданій. За это также ясно говорить канцелярская сухость и безличность Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца.

Путевыя Записки возникли самымъ естественнымъ, простымъ

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 15 л.

²⁾ *Древняя Россійская Виллювика*, 38.—*Павловъ*, стр. 97.

способомъ: что авторъ видѣлъ и слышалъ, онъ тотчасъ записывалъ, опасаясь позабыть это видѣнное и слышанное;—записывалъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякой системы, держа одной строго-хронологической послѣдовательности совершавшихся предъ его глазами событій. Этому много можно найти доказательствъ въ текстѣ Путевыхъ Записокъ, но мы ограничимся однимъ особенно рельефнымъ примѣромъ: „Мѣсяца Юлія, — пишетъ авторъ, — въ 5 день збору бывшу великому, и тогда написаша грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу, и подписа папа Евгений, и царь греческій Иванъ и вси гардиналове, и митрополиты, и подписаша на грамотѣхъ каждо своею рукою. *Въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковыя, да и то видѣли, какъ шелкъ тотъ емлютъ съ нитъ*“¹⁾. Записки все разростались по мѣрѣ путешествія и окончились тамъ, гдѣ окончилось и самое путешествіе ихъ автора и епископа Авраамія, то-есть, въ Суздаль. Можно думать, что авторъ тотчасъ же, какъ пріѣхалъ въ Суздаль, обнародовалъ свои записки, не теряя времени на переработку ихъ въ болѣе систематическомъ порядкѣ; и, дѣйствительно, слѣдовъ подобной переработки вовсе незамѣтно въ его Запискахъ. Если авторъ прибылъ въ Суздаль 29-го сентября 1440 года²⁾, то онъ еще въ томъ же году могъ пустить свои Записки въ свѣтъ, удовлетворяя тѣмъ самымъ любопытству суздальскихъ и вообще русскихъ книжниковъ, весьма естественно сильно заинтересованныхъ путешествіемъ русскихъ людей въ столь отдаленныя, неизвѣстныя страны. Итакъ, съ вѣроятностію предполагаемъ, что въ 1440—1441 годахъ Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца впервые увидѣли свѣтъ.

Скажемъ теперь о сочиненіи іеромонаха Симеона — также суздальца. Мы уже видѣли, что Симеону было поручено описывать Ферраро-флорентійскій соборъ. Онъ велъ свои записки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; что видѣлъ и слышалъ, онъ тотчасъ же записывалъ: „писавшу ми въ той часъ (въ моментъ произнесенія) ихъ (членовъ собора) словеса и прѣнія“³⁾, говоритъ Симеонъ, или въ другомъ мѣстѣ: „и написахъ то все въ той часъ“⁴⁾. Если Симеонъ „писалъ словеса и прѣнія“, то онъ очевидно зналъ или греческій или латин-

¹⁾ *Древняя Россійская Визитовка*, ч. VI, 42—43.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, л. 58.

³⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, л. 9.

⁴⁾ Тамъ же, л. 12.

скій языкъ: на соборѣ, какъ извѣстно, рѣчи восточныхъ отцовъ были переводимы особыми толмачами на латинскій языкъ, а рѣчи западныхъ—на греческій языкъ ¹⁾. Симеонъ, дѣйствительно, зналъ греческій языкъ ²⁾, но, впрочемъ, не настолько, чтобы всегда хорошо понимать смыслъ греческой рѣчи ³⁾. Несмотря на это, онъ, по собственнымъ словамъ, все-таки записывалъ соборныя пренія, въ результатѣ чего явились записки въ ихъ первичной формѣ. Но эти черновые наброски не были изданы Симеономъ въ свѣтъ по возвращеніи его на Русь. Впослѣдствіи, находясь въ Великомъ Новгородѣ, Симеонъ обработалъ свои записки, редактировалъ ихъ и придалъ имъ форму цѣльной, связной повѣсти: „мнѣ же Симеону, говоритъ онъ, по благословенію святаго Марка ефесскаго, дошедшу ми святаго владыки Евфимія богоспасаемаго Великаго Новгорода, *стисахъ сія, яже видѣхъ и слышахъ*, како во фряской земли во градѣ Фролентіи, и како на русской землѣ и на Москвѣ, тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Иваномъ и греки сребролюбцы и митрополиты, здѣ же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христоролюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ“ ⁴⁾. Въ этой повѣсти, судя по только приведеннымъ словамъ Симеона, должно было заключаться не только описаніе Флорентійскаго собора, основанное на первоначальныхъ записяхъ, но и еще разказъ о томъ, какъ „на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христоролюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ“. Это послѣднее извѣстіе могло быть основано не на первоначальныхъ записяхъ, какъ описаніе Флорентійскаго собора, а просто на личныхъ воспоминаніяхъ автора, пережившаго эту знаменательную эпоху. Далѣе, если повѣсть была составлена при новгородскомъ владыкѣ Евфиміи (разумѣется Евфимій II), какъ утверждаетъ Симеонъ, то во всякомъ случаѣ не позднѣе 10—11-го марта 1458 года, когда скончался этотъ святитель ⁵⁾. Признавая, что повѣсть Симеона явилась не позднѣе 10—11-го марта 1458 года, мы въ то же время должны признать, что она составлена не

¹⁾ Исторія Флорентійскаго собора, Москва, 1847 г., 75.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, л. 12.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, л. 9.

⁵⁾ По Новгородской 4-й лѣтописи Евфимій скончался 10-го марта 1458 года, Полное Собраніе Лѣтописей, т. IV, 1848 года, 127; а по Новгородской 3-й лѣтописи — 11-го марта того же года, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 241.

тотчасъ послѣ осужденія Исидора, а спустя значительное время послѣ этого событія. Есть одно выраженіе въ Повѣсти, заставляющее насъ такъ думать: авторъ, говоря о великомъ князѣ, замѣчаетъ, что онъ „въ та времена“ (времена осужденія Исидора) былъ еще молодъ ¹⁾). Нѣкоторыя обстоятельства не позволяли Симеону составить Повѣсть тотчасъ по возвращеніи своемъ на Русь. Объ этихъ обстоятельствахъ онъ самъ рассказываетъ въ своей повѣсти. „И мнѣ съ нимъ (Исидоромъ), говоритъ Симеонъ, о томъ (латинофильствѣ Исидора) много глаголющу, и ему меня многожды имавшу и державшу въ крѣпости; мнѣ же видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу (на обратномъ пути) ми изъ Венецыя, и послу побѣгшу Фомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыхъ Анны, егда зачатъ святыю Богородицу, декабря въ 9-й день (1439 года), а къ Новгороду прибѣгшу ми въ великую среду (1440 года), и пребывшу ми лѣто все у великаго святителя у Владыки Евфимія новгородскаго“ ²⁾). Все это лѣто Симеонъ только отдыхалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Евфимія отъ тревоженій своего долгаго пути: ему было некогда составлять повѣсть. Поживи онъ подольше, онъ, можетъ быть, и составилъ бы ее, но тутъ вскорѣ случились обстоятельства, очень непріятныя для нашего автора. Нужно прежде всего сказать, что въ то время, какъ Симеонъ прибылъ въ Новгородъ, здѣсь уже проживалъ литовскій выходець князь Юрій Семеновичъ православной вѣры, сынъ Лугвенія-Симеона Ольгердовича ³⁾). Симеонъ, какъ кажется, очень хорошо сошелся съ княземъ Юріемъ, рассказывалъ ему про унию, про то, какія „неправедныя поношенія и укоръ“ потерпѣли православныя христіане ⁴⁾). Лѣтомъ 1441 года „князь Юрій

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 20 л.

²⁾ Съ перваго раза можно подумать, что Симеонъ написалъ свою повѣсть въ это именно лѣто 1440 года. Эту мысль какъ бы подтверждаютъ слѣдующія слова самого Симеона: „Мнѣ же Симеону, по благословенію святаго Марка ефесскаго, дошедшу ми сятаго владыки Елѣнїя богоспасасящаго Великаго Новгорода, списахъ сія, яже видѣхъ и слышахъ“ (Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9 л.). Но это предположеніе совсѣмъ несостоятельно: какимъ образомъ Симеонъ въ повѣсти, составленной лѣтомъ 1440 года, могъ говорить о прибытіи Исидора въ Москву (тамъ же, 19—20 л.), что имѣло мѣсто 19-го марта 1441 года? Только-что приведенныя слова Симеона необходимо понимать въ смыслѣ втораго позднѣйшаго его прихода въ Новгородъ, о чемъ будетъ сказано впоследствии.

³⁾ Новгородская первая лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 112—113.

⁴⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 19 л.

Семеновичъ изъ Новгорода выѣхалъ въ Литву, и князь великій Казимиръ далъ ему отчину его всю — Мстиславль и Кричевъ, и иныхъ градовъ и волостей не мало; онъ же разгордѣвся заседе Смоленскъ¹⁾... Только что князь Юрій занялъ Смоленскъ, въ этотъ городъ, идя на Москву изъ Кіева, прибылъ митрополитъ Исидоръ²⁾. Отъ смоленскаго князя этотъ послѣдній узналъ, какъ Симеонъ корилъ унию и его, митрополита, узналъ, что этотъ его врагъ паходится теперь въ Новгородѣ. Захватить Симеона въ свои руки было, конечно, въ интересахъ Исидора; и вотъ князь Юрій, вѣроятно, по требованію митрополита, „вопреки которому (митрополиту) онъ не смѣлъ глаголати, такъ какъ имѣлъ надъ собою область латинскую“³⁾, пользуясь прежнимъ своимъ хорошимъ знакомствомъ съ Симеономъ, коварно, хитростию вызываетъ его изъ Новгорода въ Смоленскъ и выдаетъ его митрополичьимъ чернецамъ, „глаголя на него много“⁴⁾. Въ Смоленскѣ Симеонъ всю зиму „сидѣлъ во двоиъхъ желѣзѣхъ въ величѣй нужи. во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ, и голодомъ, и жаждою“ (томимъ). Потомъ повезли его на Москву⁵⁾, куда Исидоръ съ своими спутниками прибылъ 19-го марта 1441 года. Что было потомъ съ Симеономъ въ Москвѣ, объ этомъ мы узнаемъ уже не изъ повѣсти, а изъ житія преподобнаго Сергія пахоміевской редакціи (рукопись Синодальной Библіотеки XVI вѣка № 555, л. 154 об., — печать Московскаго изданія 1646 г., гл. 47, л. 110). Въ этомъ житіи есть извѣстіе: „о пресвитерѣ, и о мужѣхъ, бывшихъ въ латинскихъ странахъ“⁶⁾, записанное со словъ самого Симеона около 1441—1443 гг.⁷⁾. По этому извѣстію Симеонъ (онъ же пресвитеръ), послѣ осужденія Исидора, „разрѣшенъ бысть отъ веригъ желѣзныхъ, и вданъ игумену Сергіева монастыря, именемъ Зиновію, и тако привезоша его въ обитель святаго“⁸⁾. Пребываніе въ Сергіевомъ монастырѣ было

¹⁾ Новгородская первая лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 118.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 20 л.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, 18—19 л.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Это извѣстіе напечатано А. Поповымъ въ его „Обзорѣ“ по Московскому печатному изданію 1646 года. См. 340—344.

⁷⁾ Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ — В. О. Ключевскаго, Москва, 1871 года, 117—118.

⁸⁾ „О пресвитерѣ“... „Обзорѣ“ А. Попова, ?43.

противъ воли Симеона ¹⁾. Но это не было заточеніемъ въ собственномъ смыслѣ: Симеона, много пострадавшаго, нуждавшагося въ отдыхѣ, освободили отъ оковъ ²⁾ и отдали на попеченіе игумена Сергіева монастыря впредь до разъясненія дѣла. Можетъ быть, по какому нибудь недоразумѣнію его считали первое время сторонникомъ униі. Это недоразумѣніе, конечно, скоро разсѣялось, тѣмъ болѣе, что и самъ Симеонъ не молчалъ: такъ братія Сергіева монастыря онъ разказывалъ о своихъ злостраданіяхъ за православную вѣру, пріятыхъ имъ отъ Исидора ³⁾. Особенно любопытенъ разказъ Симеона о явленіи ему преподобнаго Сергія, избавившаго его отъ одной опасности во время бѣгства изъ Венеціи на Русь ⁴⁾. Въ этомъ разказѣ Симеонъ является приверженцемъ, ученикомъ славнаго борца за православіе Марка Ефесскаго; самъ преподобный Сергій, явившись во снѣ Симеону во время его бѣгства изъ Венеціи на Русь, призналъ его страдальцемъ за вѣру и уполномочилъ его передать всѣмъ православнымъ людямъ „наказаніе, отъ святаго Марка повелѣнное“. Послѣ такого разъясненія, получившаго вскорѣ самую широкую огласку, могли ли долѣе удерживать Симеона въ заточеніи, если только можно назвать заточеніемъ его пребываніе въ Сергіевомъ монастырѣ? Куда потомъ изъ этой обители отправился Симеонъ, неизвѣстно; всего естественнѣе предположить, что онъ отправился въ родной Суздаль, котораго такъ долго не видалъ онъ. Какъ бы то ни было, мы видимъ Симеона въ Новгородѣ во второй разъ. Какія-то узы соединяли Симеона съ новгородскимъ владыкой Евфиміемъ. Къ Евфимію Симеонъ направляется во время своего бѣгства изъ Венеціи на Русь; къ нему же онъ приходитъ во второй разъ, обрабатываетъ у него свои ферраро-флорентійскія записки, пишетъ повѣсть ⁵⁾. Когда началось знакомство этихъ двухъ личностей, мы не знаемъ. Симеонъ могъ видѣться съ Евфиміемъ на Москвѣ, куда послѣдній былъ вызываемъ только-что прибывшимъ на митрополию Исидоромъ ⁶⁾, и кромѣ того— въ Новгородѣ, гдѣ останавливался митрополитъ и его свита на пути своемъ въ Италію. Пришедши къ Евфимію во второй разъ по воз-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, 340.

⁴⁾ Тамъ же, 341—343.

⁵⁾ Рухописъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9 л.

⁶⁾ Новгородская первая лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 112.

вращеніи своемъ на Русь, Симеонъ у него началъ и кончилъ свою повѣсть объ осьмомъ соборѣ. Къ этому дѣлу побудилъ его, вѣроятно, между прочимъ и самъ владыка новгородскій: владыки новгородскіе, какъ извѣстно, нерѣдко покровительствовали литературнымъ предпріятіямъ.

Этой своей повѣсти Симеонъ придалъ нѣсколько характеръ своей личной аполוגіи. Въ повѣсти онъ является энергическимъ противникомъ униіи и Исидора, страдальцемъ за православную вѣру; мало того, Симеонъ выставляетъ себя чуть не другомъ знаменитаго поборника православія на Флорентійскомъ соборѣ Марка Ефесскаго: силою благословенія этого святителя онъ на время избавляется (въ Италіи) отъ преслѣдованій Исидора, по его благословенію рѣшается бѣжать изъ Венеціи въ Новгородъ; и самая повѣсть написана также „по благословенію святаго“ митрополита ¹⁾). Всѣмъ этимъ Симеонъ, можетъ быть, хотеть достигнуть того, чтобы на него не падало даже малѣйшей тѣни сочувствія къ униіи, какъ на бывшаго спутника митрополита Исидора, измѣнившаго православію и перешедшаго на сторону папы.

Новгородская повѣсть Симеона (такъ будемъ теперь называть повѣсть, составленную нашимъ авторомъ въ Новгородѣ) въ чистомъ своемъ видѣ представляетъ изъ себя то, что издано преосвященнымъ Макаріемъ на 60—76 стр. перваго тома его „Матеріаловъ для исторіи русской церкви“. Повѣсть Симеона напечатана преосвященнымъ Макаріемъ въ его „Матеріалахъ“ по списку, находящемуся въ сборникѣ Новгородской Софійской бібліотеки, въ четверть, № 677, 190—203 лл.; въ этомъ спискѣ повѣсть озаглавлена такъ: „Исидоровъ соборъ и хоженіе его“ ²⁾). Къ сожалѣнію, эти „Матеріалы“ въ настоящее время сдѣлались бібліографическою рѣдкостью: этихъ „Матеріаловъ“ мы не могли найти ни въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи, ни въ бібліотекѣ Московскаго Публичнаго Музея. Впрочемъ, въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея, № 939, находится списокъ повѣсти Симеона (8—23 лл.) такого же типа, какъ и списокъ Софійской бібліотеки (по мѣстамъ небольшая разница въ текстѣ). Музейскій списокъ, какъ и софійскій, воспроизводитъ новгородскую повѣсть Симеона въ ея чистомъ видѣ. Музейскій списокъ изданъ г. Павло-

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9 л.

²⁾ *Преосвященный Макарій*, Исторія русской церкви, 1866 г., т. V, кн. 2, стр. 241, примѣч. 231.

вымъ въ его сочиненіи: „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“, приложение X. Мы уже прежде не разъ цитировали повѣсть Симеона и по рукописному музейскому списку и по печатному его изданію у г. Павлова. Къ спискамъ, воспроизводящимъ новгородскую повѣсть Симеона въ чистомъ видѣ, нужно также отнести и списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (рукопись XVII вѣка № $\frac{818}{1384}$, = 25 — 44 л.; писано круглымъ полууставомъ). Сличая архивный списокъ съ музейскимъ, мы пришли къ тому заключенію, что первый есть не что иное, какъ значительное сокращеніе, иногда очень неумѣлое, втораго ¹⁾). Представимъ особенно рельефный примѣръ этого неумѣлаго сокращенія. Въ музейскомъ списокѣ, въ одномъ мѣстѣ, читаемъ слѣдующее: ...„поборникъ (великій князь Василій Васильевичъ) по православной вѣрѣ греческой, яко же обычай есть святыхъ вѣры греческія по уставу святыхъ отецъ Василія Кесарійскаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и прочихъ святыхъ отецъ и святыхъ седми соборъ и святыхъ первыхъ папъ седми, Селивестра и прочихъ, *иже въ православіи и въ православной вѣрѣ поминають ихъ, а не въ латинствѣ*“ ²⁾). Смыслъ этихъ словъ понятенъ. Въ архивномъ списокѣ это мѣсто значительно и, при томъ механически, сокращено, и въ результатѣ сокращенія получается такая нелѣпная фраза: ...„поборникъ (опять-таки великій князь) по православной вѣрѣ и святыхъ седми соборъ и святыхъ отецъ... а не въ латинствѣ“ ³⁾). Отмѣтимъ еще кстати, что въ архивномъ списокѣ однимъ чудомъ меньше, чѣмъ въ музейскомъ: въ первомъ не упоминается, какъ въ послѣднемъ, о смерти по слову Маркову флорентійскаго архимандрита Амвросія ⁴⁾).

Спустя значительный промежутокъ времени послѣ составленія Симеономъ своей новгородской повѣсти, на Руси появляется замѣчательное сочиненіе, которое по всей справедливости должно отнести къ числу важнѣйшихъ памятниковъ древне-русской церковно-полемиической литературы. Мы разумѣемъ: „Слово избрано отъ святыхъ пи-

¹⁾ Г. Павловъ привелъ разночтенія въ архивномъ списокѣ по сравненію съ музейскимъ спискомъ (см. примѣч. къ 198—203 стр. его вышеуказаннаго сочиненія), но весьма немногія и при томъ несущественныя.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 21 л.

³⁾ Рукопись Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, № $\frac{818}{1384}$, 43 л.

⁴⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 17 л.

саній, еже на латыню, и сказаніе о составленіи осмаго собора латыньскаго, и о изверженіи Сидора Прелестнаго, и о поставленіи въ русской земли митрополитовъ, о сихже похвала благовѣрному великому князю Василю Васильевичу всея Руси“. Это „Слово“ издано г. Поповымъ въ его „Обзорѣ“, по списку Минеи-Четыи митрополита Макарія, Московской Синодальной библіотеки, мѣсяць іюль, № 996 ¹⁾); то же сочиненіе и подъ тѣмъ же заглавіемъ находится въ рукописи Румянцевскаго музея, № 204, 315—350 лл. ²⁾). Когда написано это сочиненіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найдти въ самомъ памятникѣ: въ немъ, съ одной стороны, говорится о поставленіи епископа ростовскаго Θεодосія въ митрополиты московскіе, слѣдовательно, сочиненіе было написано не ранѣе 3-го мая 1461 года, когда совершилось это поставленіе ³⁾); съ другой стороны,—великій князь Василій Васильевичъ представляется еще живымъ, слѣдовательно, сочиненіе написано было *не позднѣе 27-го марта 1462 года*, когда скончался этотъ великій князь ⁴⁾). И Востоковъ говоритъ, что „Слово“— „сочинено, повидимому, въ 1461 году, ибо упоминается о возведеніи Θεодосія на митрополию. что послѣдовало въ означенномъ году, за 11 мѣсяцевъ до кончины великаго князя Василя Васильевича“ ⁵⁾). Судя по самому оглавленію, „Слово“ распадается на двѣ части. Первая часть представляетъ изъ себя не что иное, какъ повѣсть объ осьмомъ соборѣ и о низложеніи Исидора ⁶⁾). Здѣсь эта повѣсть имѣетъ характеръ исторической аргументаціи въ пользу законности вновь установившагося на Руси церковнаго порядка. Во второй части говорится о поставленіи на Москвѣ митрополитовъ Іоны и Θεодосія русскими епископами при господствующемъ участіи великаго князя ⁷⁾) эта вторая часть составляетъ центръ всего сочиненія. Фактическая независимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, выразившаяся въ самостоятельномъ избраніи и поставленіи на Руси

¹⁾ 360—395 стр.

²⁾ *Востоковъ*, Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея, С.-Пб., 1842 г., 271.

³⁾ Софійская вторая лѣтопись. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 184.

⁴⁾ Тамъ же, 185; Воскресенская лѣтопись. Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 150. По Никоновской лѣтописи (изд. 1879 г., ч. V, 290) великій князь скончался 14-го марта 1462 г.

⁵⁾ *Востоковъ*, тамъ же.

⁶⁾ „Слово“, *Поповъ*, 360—380.

⁷⁾ Тамъ же, 380—395.

митрополитовъ Іоны и особенно Оеодосія, представляются здѣсь лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ измѣны грековъ православію черезъ унію съ латинянами на осьмомъ соборѣ. И во второй части „Слова“ доказывается, что унія, союзъ съ латинянами невозможенъ, ибо они давно отпали отъ православной вѣры и погрязли въ заблужденіяхъ. Нужно при томъ замѣтить, что какъ въ первой, такъ и во второй части „Слова“ расточаются пышныя похвалы главному виновнику торжества православія на Руси—„боговѣнчанному царю“ великому князю Василю Васильевичу. Основная тенденція сочиненія видна уже изъ вышесказаннаго нами о составѣ „Слова“: это во что бы то ни стало подыскать законныя основанія для совершившагося историческаго факта—установленія автокефальности русской церкви, иначе—оправдать этотъ фактъ литературнымъ путемъ. Отсюда вполне естественно заключить, что „Слово“—есть сочиненіе официального происхожденія: московское правительство, отваживаясь на такой смѣлый и новый шагъ, какъ установленіе фактической автокефальности русской церкви, хотѣло, конечно, такъ или иначе оправдать свой поступокъ. Но кому же оно поручило составить эту свою апологію, или иначе,—кто авторъ „Слова“?

По нашему твердому и искреннѣйшему убѣжденію составителемъ „Слова“ былъ инокъ Симеонъ—авторъ уже извѣстной намъ Новгородской повѣсти объ осьмомъ соборѣ. Несомнѣнно, Симеонъ еще за долго до 1461 года былъ извѣстенъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Москвы, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ спутниковъ Исидора въ Италію, какъ жаркій противникъ этого митрополита и уніи, много потерпѣвшій за свои убѣжденія и преданность православію. Въ народѣ широко расходилась молва о бѣгствѣ Симеона изъ Венеціи и страданіяхъ на пути, о чудесной помощи, оказанной ему преподобнымъ Сергіемъ, и эта молва располагала православныхъ людей въ пользу невиннаго страдальца за вѣру. Повѣсть Симеона была уже, конечно, извѣстна церковному и свѣтскому правительству, естественно интересовавшемуся узнать правду объ уніи отъ самого очевидца пресловутаго восьмага собора. Въ частности великому князю очень пріятно льстилъ тотъ восторженный панегирикъ ему, которымъ заканчивалась новгородская повѣсть Симеона ¹⁾. Флорентійская унія, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и существенно обусловила вновь установившійся на Москвѣ церковный порядокъ—разумѣемъ избраніе и

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 20—23 лл.

поставленіе митрополитовъ независимо отъ константинопольскаго патриарха; когда явилась потребность оправдать этотъ порядокъ, то естественно, центръ всей аргументаціи долженъ былъ заключаться въ историческомъ фактѣ Флорентійской униі. Вотъ почему въ этотъ моментъ прежде всего вспомнили о Симеонѣ, очевидцѣ этого историческаго факта, уже заявившемъ свою литературную правоспособность повѣстью объ осьмомъ соборѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если по мысли правительства и самой логикѣ вещей въ историческомъ фактѣ флорентійской униі сосредоточивалась вся сила аргументаціи въ пользу автокефальности русской церкви, то кто же могъ лучше воспроизвести этотъ фактъ въ желательномъ освѣщеніи, какъ не тотъ, кто былъ очевидцемъ Флорентійскаго собора, врагомъ Исидора и униі, авторомъ новгородской повѣсти—этого историко-полемическаго сочиненія? И вотъ иноку Симеону, какъ специалисту своего дѣла, поручаютъ написать „Слово“.

Мы видѣли, что инокъ Симеонъ еще задолго до 1461—1462 гг. написалъ свою новгородскую повѣсть объ осьмомъ соборѣ. Этимъ своимъ сочиненіемъ и воспользовался нашъ авторъ при составленіи „Слова“: онъ нѣсколько обработалъ, въ литературномъ отношеніи, свою новгородскую повѣсть, пополнилъ ее съ фактической стороны, заимствуя матеріалъ для того изъ своихъ воспоминаній, и вотъ уже была готова первая часть „Слова“. Такъ на ряду съ новгородскою повѣстію возникла повѣсть редакціи „Слова“; обѣ онѣ принадлежали одному автору, и послѣдняя являлась позднѣйшей передѣлкой, пространной вариацией второй.

Прежде всего, вмѣсто скромнаго вступленія новгородской повѣсти, имѣющаго, главнымъ образомъ, отношеніе къ Симеону ¹⁾ (вообще нужно замѣтить, что въ „Словѣ“, какъ произведеніи официальномъ, нѣтъ никакихъ указаній на личность автора), въ повѣсти редакціи „Слова“ является пышный приступъ, украшенный всѣми стилистическими красотами тогдашняго краснорѣчія ²⁾. Послѣ приступа начинается самая повѣсть, но начинается не съ прибытія Исидора въ Италію, какъ въ новгородской редакціи ³⁾, а съ первоначальнаго его прихода на Русь и водворенія на Москвѣ ⁴⁾. Далѣе говорится о

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 8—9 лл.

²⁾ „Слово“, *Половъ*, 360—361.

³⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9—10 лл.

⁴⁾ „Слово“, *Половъ*, 362.

томъ, какъ великій князь противился желанію Исидора идти на осьмой соборъ, и какъ митрополитъ не послушался княжескихъ увѣщаній и пошелъ въ Италію ¹⁾—всего этого нѣтъ въ новгородской повѣсти; въ послѣдней также нѣтъ извѣстія, которое мы находимъ въ повѣсти редакціи „Слова“, именно извѣстія о предпочтеніи, оказанномъ Исидоромъ въ Юрьевѣ латинскимъ крѣжамъ предъ православными крѣстами ²⁾. Здѣсь замѣтимъ еще, что въ повѣсти редакціи „Слова“ подробно говорится о прибытіи Исидора изъ Италіи на Русь и о его низверженіи, тогда какъ въ новгородской повѣсти только намекается на его низложеніе ³⁾; кромѣ того, въ первой помѣщены грамоты Исидора и папы, чего совсѣмъ нѣтъ во второй ⁴⁾. Вообще новгородская повѣсть могла и не имѣть въ виду нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ, какъ не относящихся прямо къ ея главнѣйшей задачѣ—описать осьмой соборъ. Приступая къ составленію „Слова“, Симеонъ перечитывалъ свое прежнее сочиненіе и, перечитывая, вспоминалъ изъ полузабытаго далекаго нѣкоторые факты, которыми и дополнялъ свою повѣсть въ „Словѣ“. Но, дополняя въ „Словѣ“ новгородскую повѣсть, Симеонъ въ тоже время кое-что въ ней опускалъ: такъ онъ опустилъ разговоръ свой на Феррарскомъ соборѣ съ митрополитомъ Дорошеемъ, какъ имѣющій значеніе для него лично и несоотвѣтствующій офиціальному характеру „Слова“ ⁵⁾. По стилю повѣсть редакціи „Слова“ значительно отличается отъ новгородской повѣсти: въ первой мы замѣчаемъ большую, по сравненію съ послѣдней, витиеватость и отсюда растянутость изложенія, что видно, напримѣръ, изъ сличенія рѣчей (особенно первой) Марка Ефесскаго въ той и другой повѣсти ⁶⁾. Такимъ образомъ, первая часть „Слова“ не есть что либо вновь составленное: она представляетъ изъ себя лишь переработку новгородской повѣсти. Что касается второй части, то здѣсь Симеону приходилось не перерабатывать прежнее, а большею частью вновь создавать; если въ первой части онъ былъ только редакторомъ, то во второй, гдѣ повѣствуется о поставленіи митрополитовъ Іоны и Θεодосія и объ отпаденіи латинянъ отъ православной церкви, онъ

¹⁾ Тамъ же, 362—363.

²⁾ Тамъ же, 363—364.

³⁾ Тамъ же, 375—379; ср. Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 21—22 л.

⁴⁾ „Слово“, *Поповъ*, 374—377.

⁵⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 12 л.

⁶⁾ Тамъ же, 11—13 л.; ср. „Слово“, *Поповъ*, 366—369.

является уже въ качествѣ автора—иногда, впрочемъ, очень не самостоятельнаго. О поставленіи митрополита Ионы Симеонъ могъ говорить по яснымъ воспоминаніямъ: послѣ этого событія прошло лишь 13 лѣтъ (Иона былъ посвященъ въ митрополита 15-го декабря 1448 г. ¹⁾). О поставленіи же Θεодосія онъ могъ писать подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты. Что касается того мѣста второй части „Слова“, гдѣ Симеонъ говоритъ объ отпаденіи латинянъ, то оно отъ начала и до конца заимствовано и, большею частью даже съ буквальною точностью, изъ одного древне-русскаго переводнаго историко-полемическаго сочиненія—разумѣемъ „Повѣсть о Латынѣхъ, когда отлучишася отъ грекъ, и святыя Божія церкви, и како избрѣтоша себѣ ереси, еже опрѣсночная служити и хулу яже на Духа Святаго“ ²⁾. При перечисленіи заблужденій латинства (16 пунктовъ) Симеонъ пользовался не только „Повѣстію о Латынѣхъ“, но и полемическимъ сочиненіемъ Никиты Стюата, на котораго онъ даже прямо ссылается въ „Словѣ“ ³⁾. Полемическое сочиненіе Никиты Стюата, обыкновенно, помѣщалось въ древне-русскихъ кормчихъ на ряду съ нѣкоторыми другими полемическими статьями ⁴⁾. Оно также находилось и въ томъ сборникѣ, въ которомъ помѣщена была „Повѣсть о Латынѣхъ....“ ⁵⁾. Можно отсюда предположить, что у Симеона при составленіи „Слова“ подѣ руками находился именно этотъ полемическій сборникъ. У Никиты Стюата Симеонъ заимствовалъ только нѣкоторые обвинительные пункты противъ латинянъ ⁶⁾; другіе же пункты онъ могъ заимствовать, кромѣ, конечно, „Повѣсти о Латынѣхъ“, изъ тѣхъ греко-русскихъ полемическихъ сочиненій, которыя въ XIV—XV вѣкахъ цѣлыми массами обращались въ русскомъ обществѣ. Въ заключеніе замѣтимъ, что стиль второй части „Слова“, какъ и первый, отличается витіеватостію и крайней растянутостію изложенія.

Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, „Слово“ принадлежитъ Симеону; но въ литературѣ существуютъ на этотъ предметъ такіе взгляды, которые несогласны съ этимъ нашимъ мнѣніемъ. Укажемъ, прежде всего, на преосвященнаго Филарета, который въ своемъ

¹⁾ Воскресенская лѣтопись. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 121—122.

²⁾ „Слово“, *Половъ*, 385—391; ср. „Повѣсть о Латынѣхъ“ ... находящуюся въ полемическомъ сборникѣ начала XV вѣка; *Половъ*, 178—186.

³⁾ „Слово“, *Половъ*, 390.

⁴⁾ *Половъ*, 125—133.

⁵⁾ Тамъ же, 175.

⁶⁾ „Слово“, *Половъ*, 390; ср. тамъ же, 125—133.

„Обзоръ духовной литературы“ приписываетъ „Слово“ Аркадію старцу¹⁾. Но такое мнѣніе лишь держится на невѣрномъ пониманіи записи, приведенной въ описаніи рукописей Царскаго (№ 425)²⁾.

Г. Поповъ, не называя по имени автора, утверждаетъ, что „Слово“ составлено однимъ изъ русскихъ епископовъ³⁾. Этотъ изслѣдователь не приводитъ никакихъ основаній для подобнаго своего мнѣнія. Можетъ быть, автора „Обзора“ сблыло съ толку слѣдующее мѣсто въ „Словѣ“: „и по сихъ Богу о немъ благоволившу Іона же святитель въ глубочѣй си старости не мало поболѣвъ и тако богодуховне благословляше въ свое мѣсто держати на столованіе и правленіе святыя великія церкви русскихъ земель великія митрополіи, еже о святомъ Дусѣ, *брату си сослужебнику смиренія моего* Феодосію архіепископу бывшу ростовскому и ярославскому“⁴⁾. Подчеркнутыя нами слова могли только принадлежать архіерею: онъ только могъ назвать Феодосіа „братомъ и сослужебникомъ смиренія своего“. Относя эти слова къ самому автору, г. Поповъ и вообразилъ, что этотъ авторъ долженъ быть архіереемъ. Но дѣло въ томъ, что это выраженіе относится къ собственной рѣчи самого митрополита Іоны, которая начинается прямо послѣ словъ „и тако богодуховне благословяше“. Митрополитъ Іона, конечно, могъ назвать Феодосіа „братомъ и сослужебникомъ смиренія своего“. Немного выше также приводятся собственныя слова этого митрополита: „но сице рече: пребудьте о Бозѣ и т. д.“⁵⁾. И черезъ нѣсколько строкъ ниже мы опять встрѣчаемся съ собственной рѣчью Іоны: „да въ мѣсто мое будетъ вамъ, сынове, благословенъ Феодосій архіепископъ“⁶⁾. Итакъ, въ томъ мѣстѣ „Слова“, на которое могъ бы сослаться въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Поповъ, авторъ говоритъ не отъ себя, а приводитъ собственную рѣчь митрополита Іоны; въ этомъ мѣстѣ попорченъ нѣсколько текстъ, что зависѣло отъ позднѣйшихъ переписчиковъ,—отсюда и произошла неясность.

Разберемъ теперь мнѣніе г. Павлова, который, отрицая принадлежность „Слова“ Симеону, склоненъ приписывать это сочиненіе извѣстному агіобіографу XV вѣка—Пахомию Сербу. Обратимся къ ар-

1) Часть I, 137.

2) *Поповъ*, 359—360.

3) *Поповъ*, 359.

4) „Слово“, тамъ же, 392.

5) Тамъ же, 391.

6) Тамъ же.

гументаціи г. Павлова. Этотъ почтенный ученый прежде всего начинаетъ сравнивать Новгородскую повѣсть съ лѣтописной повѣстью, которая представляетъ изъ себя лишь повтореніе съ немногими сокращеніями повѣсти редакціи „Слова“. О лѣтописной повѣсти мы будемъ говорить только впоследствии; поэтому тамъ, гдѣ г. Павловъ будетъ называть лѣтописную повѣсть, мы будемъ называть повѣсть „Слова“.

„Главнѣйшее отличіе, говоритъ г. Павловъ, сказанія редакціи „Слова“ отъ Новгородской повѣсти состоитъ въ томъ, что первая представляетъ полную исторію Флорентійской униі въ Россіи, послѣдняя ограничивается только описаніемъ осьмаго собора“¹⁾. Съ этимъ положеніемъ нельзя вполнѣ согласиться: въ Новгородской повѣсти хотя и нѣтъ полной исторіи Флорентійской униі въ Россіи, но все же она не ограничивается только описаніемъ осьмаго собора. Цѣлая треть (послѣдняя) этого произведенія не имѣетъ никакого отношенія къ описанію осьмаго собора; здѣсь только разказываются о томъ, какъ Исидоръ пришелъ изъ Латинской земли на Русь — въ Смоленскъ и Москву, говорится, что онъ служилъ литургію въ „святой Церкви Пресвятыя Богородицы“ и за службой помянулъ „впервыхъ Евгениаса“, а патріарховъ не помянулъ, далѣе расточаются похвалы великому князю, и достаточно ясно намекается на тотъ печальный конецъ, который имѣла униа на Москвѣ²⁾. Слѣдовательно, вопреки утверженію г. Павлова, и въ Новгородской повѣсти есть указанія на судьбу флорентійской униі въ Россіи, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи нѣтъ какого-нибудь „главнѣйшаго отличія“ повѣсти редакціи „Слова“ отъ Новгородской повѣсти. — Въ формальномъ отношеніи, — продолжаетъ г. Павловъ свою аргументацію, — повѣсть редакціи „Слова“ отличается болѣе тщательной литературной (стилистической) отдѣлкой, въ матеріальномъ — отсутствіемъ всякихъ извѣстій о личности автора и, въ замѣнъ того, нѣкоторыми фактическими подробностями объ Исидорѣ и самомъ соборѣ“³⁾. Замѣтимъ на это, что тщательная литературная отдѣлка повѣсти редакціи „Слова“ объясняется официальнымъ характеромъ самаго „Слова“. Это сочиненіе было апологіей первостепеннаго историческаго факта — автокефальности рус-

¹⁾ Павловъ, 99.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 19—22 лл.

³⁾ Павловъ, 99.

ской церкви,—отсюда больше торжественности въ тонѣ, больше риторики. Но въ существѣ дѣла слогъ въ обѣихъ повѣстяхъ одинъ и тотъ же: въ Новгородской повѣсти замѣчается такой же риторическій тонъ (этимъ особенно отличаются похвалы великому князю), хотя и не такъ приподнятый, какъ въ „Словѣ“. Тѣмъ же официальнымъ характеромъ объясняется отсутствіе въ повѣсти редакціи „Слова“ всякихъ извѣстій о личности автора. Что касается фактическихъ подробностей объ Исидорѣ и осьмомъ соборѣ, то ихъ очень немного въ повѣсти редакціи „Слова“ сравнительно съ Новгородской повѣстью. Это отличіе обѣихъ повѣстей въ матеріальномъ отношеніи объясняется тѣмъ, что повѣсть редакціи „Слова“ есть дополненная и исправленная самимъ Симеономъ его первоначальная Новгородская повѣсть и, слѣдовательно, это отличіе не должно имѣть существеннаго значенія въ аргументаціи г. Павлова. Впрочемъ, самъ этотъ ученый сознается, что „обѣ редакціи въ главныхъ чертахъ и во всемъ ходѣ повѣствованія настолько близки между собою, что ихъ нельзя производить отъ двухъ различныхъ писателей. Какъ же объяснить, продолжаетъ онъ, происхожденіе указанныхъ особенностей той и другой редакціи? „По нашему мнѣнію, такъ, что первая (редакція „Слова“) принадлежитъ постороннему лицу, писавшему со словъ или по запискамъ Симеона, послѣдняя самому первоначальному автору“¹⁾). Мы уже видѣли, что особенности эти очень незначительны, и для объясненія ихъ вовсе не нужно прибѣгать къ тому предположенію, какое дѣлаетъ г. Павловъ.—„Позволяемъ себѣ догадку, говорить далѣе этотъ ученый, что „Слово“ это есть сочиненіе знаменитаго агіобіографа Пахомія Серба, который былъ лично знакомъ съ нашимъ Симеономъ, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ жилъ нѣкоторое время въ Сергіевомъ монастырѣ и здѣсь записалъ съ его словъ разказъ о чудѣ, которое совершилось надъ нимъ, Симеономъ, во время бѣгства его изъ Венеціи на Русь. Само собою понятно, да и самый разказъ этотъ отчасти показываетъ, что нашъ путешественникъ сообщилъ авторитетному собесѣднику не только одинъ чудесный эпизодъ изъ своего странствованія, но и все, что лично зналъ объ „осьмомъ“ соборѣ“²⁾). Дѣйствительно, Симеонъ, послѣ бѣгства Исидора, былъ освобожденъ отъ оковъ и отправленъ въ Сергіевъ монастырь къ игумену Зиновію. Это случилось, очевидно, между

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, 99—100.

1441 годомъ, когда бѣжалъ Исидоръ, и 1448 годомъ, когда умеръ Зиновій¹⁾. Также несомнѣнно, что Пахомій Сербъ жилъ въ Сергіевомъ монастырѣ отъ 1440 и до 1459 г.²⁾, слѣдовательно, могъ видѣться съ Симеономъ, слушать его разказы, хотя нельзя утверждать того, что Пахомій самъ записалъ извѣстный разказъ о чудѣ; вѣрно только то, что этотъ разказъ находится въ житіяхъ св. Сергія Пахоміевской редакціи. Записать его могъ кто-нибудь другой, а Пахомій лишь помѣстилъ эту запись въ свое житіе³⁾. Да наконецъ изъ того, что разказы Симеона могъ слушать Пахомій Сербъ, еще не слѣдуетъ того, что Пахомій написалъ „Слово“. Мало-ли кто слушалъ интересные разказы путешественника; дѣлать отсюда какія-нибудь заключенія нельзя. При томъ, у Пахомія Серба были другіе интересы, другія занятія: онъ былъ агіографъ, составитель каноновъ и службъ святымъ⁴⁾, всегда по горло заваленный работами по своей специальности⁵⁾.—Съ другой стороны, продолжаетъ г. Павловъ свою аргументацію, нельзя не замѣтить, что повѣсть въ редакціи „Слова“ имѣетъ такія характерныя черты, которыя невольно ведутъ къ догадкѣ о Пахоміи, какъ авторѣ этой редакціи, и по крайней мѣрѣ, участникѣ въ ея составленіи. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза постоянное употребленіе титула *царь* или *богочынанный царь* при имени великаго князя Василья Васильевича. Для *русскаго* писателя титулъ этотъ былъ слишкомъ необыченъ, между тѣмъ въ „Словѣ“ онъ очевидно употребляется уже въ опредѣленномъ, хорошо сознаваемомъ смыслѣ. Авторъ заставляетъ самого греческаго царя Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на этотъ титулъ и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару („Слово“—Поповъ, 364—365).. Такъ мыслить и писать могъ только человѣкъ, воспитавшійся подъ *ближайшими* вліяніями Византии, очевидецъ паденія своего роднаго царства, современникъ такой-же участи греческаго *Царяряда* и, съ другой стороны, свидѣтель сравнительнаго могущества Русской земли и ея неизмѣнной вѣрности православію. *Такой* писатель могъ даже находить осо-

¹⁾ В. О. Ключевскій, Дневнорусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, Москва, 1871 г., 118.

²⁾ Тамъ же, 119—120.

³⁾ Тамъ же, 120, 290.

⁴⁾ Тамъ же, 121.

⁵⁾ Тамъ же, 118—164.

бенное нравственное утѣшеніе въ томъ, чтобы называть русскаго государя не иначе, какъ *боговѣнчанинъ царемъ*¹⁾. Разсмотримъ всѣ эти аргументы. „Слово“ было написано въ 1461—1462 гг., слѣдовательно, спустя 8 лѣтъ послѣ паденія Византіи (1453 г.). Всѣ русскіе видѣли, что царство пало, а между тѣмъ они не могли себѣ представить восточной православной церкви безъ ея верховнаго блюстителя—царя; и взоры ихъ естественно обратились на русскаго великаго князя, который остался единственнымъ православнымъ государемъ въ свѣтѣ—отсюда титулованіе великаго князя царемъ, чему также способствовали политическіе успѣхи Москвы. Титулованіе великаго князя царемъ, прежде необычное, въ 1461—1462 годахъ было уже обычно для русскихъ книжниковъ. Симеонъ еще въ своей Новгородской повѣсти, по всей вѣроятности, написанной до паденія греческаго царства, называетъ великаго князя „бѣлымъ царемъ всея Руси“²⁾. Слѣдовательно, такъ мыслить могъ и русскій книжникъ, воспитавшійся подъ влияніемъ Византіи, хотя и не ближайшимъ, какъ Пахомій Сербъ; особенно такъ мыслить могъ Симеонъ, знавшій греческій языкъ и поэтому имѣвшій возможность ознакомиться съ византійской книжностью по подлинникамъ, человекъ несомнѣнно выдающійся, много видѣвшій на своемъ вѣку, развитой. Если Пахомій имѣлъ нравственное утѣшеніе въ томъ, чтобы называть православнаго русскаго государя не иначе, какъ „боговѣнчаннымъ царемъ“, то русскій книжникъ-писатель могъ это дѣлать по чувству національной гордости, въ силу національнаго самоуваженія. „Въ сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Пахомію Сербу, говоритъ далѣе г. Павловъ, титулъ царя и самодержца дается московскому великому князю съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Укажемъ въ особенности на упомянутый разказъ о чудѣ, совершившемся надъ Симеономъ суздальскимъ“; затѣмъ приводится примѣръ совпаденія, въ этомъ отношеніи, разказа и повѣсти редакціи „Слова“³⁾. Но это совпаденіе, послѣ всего сказаннаго нами выше, не должно вести за собою непремѣнно предположенія, что авторъ обоихъ этихъ памятниковъ—одно лицо. Пользуясь приемами г. Павлова противъ него же самого, мы можемъ доказать, что авторъ Новгородской повѣсти—инокъ Симеонъ есть въ то же время и авторъ повѣсти редакціи „Слова“—вообще „Слова“: въ объ-

¹⁾ Павловъ, 100—101.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 19 л.

³⁾ Павловъ, 101.

ихъ повѣстяхъ употребляется титулъ царя въ приложеніи къ великому князю. „Нельзя не замѣтить, продолжаетъ г. Павловъ свою аргументацію, въ повѣсти „Слова“ и характеристическихъ признаковъ Пахоміева стиля: длинныхъ витіеватыхъ періодовъ и сравнительной правильности (хотя и не всегда ясности) церковно-славянскаго языка“¹⁾. Не одинъ Пахомій могъ писать правильнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, длинными витіеватыми періодами, а вообще всякій начитанный книжникъ того времени, слѣдовательно, и нашъ внукъ Симеонъ. Витіеватость, риторика была во вкусѣ того времени²⁾. Прекраснымъ образчикомъ этой витіеватости можетъ служить, напримѣръ, поученіе митрополита Θεодосія по поводу чуда исцѣленія хромага при гробѣ святителя Алексія³⁾, явившееся одновременно съ „Словомъ“⁴⁾, или, по крайней мѣрѣ, не поздиѣ 13-го сентября 1465 года, когда митрополитъ Θεодосій оставилъ митрополию⁵⁾. И Новгородская повѣсть, какъ мы уже говорили, не свободна отъ витіеватости, хотя ея здѣсь меньше, чѣмъ въ „Словѣ“, которое было написано по важному поводу и официальномъ заказу. „Но въ чемъ всего болѣе, говоритъ г. Павловъ, облачается перо Пахомія, такъ это въ нерѣдкихъ примѣрахъ (напротивъ, скажемъ отъ себя, очень рѣдкихъ, сравнительно съ объемомъ „Слова“) употребленія *сербизмовъ* и другихъ словъ и оборотовъ, не свойственныхъ тогдашней русской литературной рѣчи“⁶⁾. Замѣтимъ на это, что на Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ обращалась масса произведеній юго-славянскаго письменности, главнымъ образомъ юго-славянскихъ списковъ греческихъ сочиненій⁷⁾; изъ этихъ юго-славянскихъ списковъ и заносилось въ языкъ русской письменности, того времени, много словъ и оборотовъ юго-славянскихъ. И этотъ фактъ теперь уже признается въ наукѣ (такъ, 14-го марта 1891 года въ засѣданіи славяно-русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества А. И. Соболевскій сдѣлалъ

¹⁾ Тамъ же, 101—102.

²⁾ Житіи Святыхъ В. О. *Ключескино*, 169, 175, 183, 189, 193.

³⁾ Это поученіе напечатано въ прибавленіи къ VI тому Полнаго Собранія Лѣтописей, 325—330.

⁴⁾ Чудо произошло 24-го января 1462 года. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 184.

⁵⁾ Тамъ же, 186.

⁶⁾ *Павловъ*, 102.

⁷⁾ О греческихъ полемическихъ сочиненіяхъ въ юго-славянскомъ переводѣ см. въ „Обзорѣ“ *Попова* 2-ю главу.

сообщеніе: „о южно-славянскомъ вліяніи на русское письмо въ XIV—XV вѣкахъ“). „Укажемъ, заключаетъ г. Павловъ свою аргументацію, еще на одно обстоятельство, благоприятное для нашей догадки: въ 1461 году, когда появилось это „Слово“, Пахомій находился въ Москвѣ, вызванный сюда (изъ Новгорода) самимъ великимъ княземъ: на этотъ разъ ему поручено было *самодержцемъ* и новымъ митрополитомъ Θεодосіемъ написать житіе преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго. Но кому же всего надежнѣе было поручить и написаніе особаго „Слова“ на столь важный случай, какъ поставленіе перваго автокефальнаго митрополита русской церкви, если не официальному агіобіографу, который своими сочиненіями уже приобрѣлъ себѣ такую славу у современниковъ, что его считали какимъ-то чудомъ, „яко превзыти ему премудростію и разумомъ всѣхъ книгочій“¹⁾). То обстоятельство, которое г. Павловъ считаетъ благоприятнымъ для своей догадки, по нашему мнѣнію, особенно неблагоприятно для нея. Пахомій, вызванный въ Москву великимъ княземъ и митрополитомъ Θεодосіемъ, прибылъ сюда только къ началу 1462 года²⁾). Но въ Москвѣ ему поручена была обширная работа, именно написать житіе преподобнаго Кирилла Бѣлоозерскаго, для чего собственно онъ и былъ вызванъ въ столицу; при этой работѣ ему некогда уже было составлять еще „Слово“. Мало того, чтобы собрать данныя для житія Кирилла, Пахомій въ 1462 году, по своемъ прибытіи, былъ посланъ митрополитомъ Θεодосіемъ и великимъ княземъ Василюемъ Васильевичемъ въ отдаленный Кирило-Бѣлоозерскій монастырь³⁾). И „Слово“, если только оно не было раньше написано, до прибытія Пахомія въ Москву, что всего вѣроятнѣе, могло появиться въ то время, когда въ столицѣ уже не было ученаго серба. Да еслибы, наконецъ, Пахомій и былъ въ Москвѣ въ то время, когда тамъ рѣшились написать оправдательное „Слово“, это обстоятельство еще мало говоритъ въ пользу предположенія г. Павлова. У Пахомія была опредѣленная специальность, создавшая ему на Руси дѣйствительно громкое имя: онъ былъ официальный краснорѣчивый и плодовитый агіобіографъ и творецъ каноновъ⁴⁾). Писать же сочиненіе полемическаго и церковно-политическаго характера, каково „Слово“,—это совсѣмъ не от-

¹⁾ Павловъ, 108.

²⁾ В. О. Ключевскій, Житія Святыхъ, 121.

³⁾ Тамъ же, 128.

⁴⁾ Тамъ же, 121, 165.

носило къ спеціальности знаменитаго серба, находилось внѣ сферы его компетенціи.

Разобравъ критически существующіе въ литературѣ взгляды по вопросу объ авторѣ „Слова“, мы тѣмъ самымъ еще болѣе утвердили высказанное нами раньше мнѣніе о принадлежности этого сочиненія иноку Симеону.

Литературная дѣятельность Симеона не ограничилась составленіемъ Новгородской повѣсти объ осьмомъ соборѣ и „Слова“. Симеону, кромѣ этихъ двухъ сочиненій, принадлежитъ еще третье, въ которомъ онъ является, впрочемъ, простымъ компиляторомъ. Это третье, по времени своего происхожденія, сочиненіе Симеона, есть именно то, что издано Сахаровымъ въ его „Сказаніяхъ русскаго народа“ подъ заглавіемъ „Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію“¹⁾. Это путешествіе Сахаровъ издалъ по двумъ спискамъ: черниковскому и басовскому. Черниковскій списокъ писанъ скорописью, въ XVII вѣкѣ, на 28 листахъ въ четверку и принадлежалъ прежде купцу Черникову. Басовскій списокъ находится въ сборникѣ XVII столѣтія, въ поллистѣ, скорописью. „Путешествіе“ начинается съ 267 стр. и продолжается до 385 стр. Здѣсь не достаетъ конца. Басовскій списокъ очень сходенъ съ черниковскимъ²⁾.

Что „Путешествіе“ Сахаровскаго изданія принадлежитъ Симеону, указанія на то находимъ въ текстѣ этого сочиненія. Авторъ прямо и не одинъ разъ называетъ себя по имени, напримѣръ: „мнѣ Симеону и другимъ инокамъ довелось быть (на обѣдѣ у рижскаго архиепискупа) за другимъ столомъ“³⁾; или еще яснѣе: „вопроси мя единъ (католическій монахъ въ Любекѣ) о имени, и азъ повѣда ему, яко Симеонъ инокъ изъ Суздаля града“⁴⁾. Сахаровъ не можетъ твердо примириться съ тою мыслью, что „Повѣсть объ осьмомъ соборѣ“ и „Путешествіе“, изданное имъ, принадлежатъ одному автору. „Лицо инока Симеона остается неразгаданнымъ, говоритъ Сахаровъ... Онъ передалъ Путешествіе и, можетъ быть, самую *повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ*. Исторіографъ, прилагая въ своей исторіи выписки изъ этой повѣсти, записалъ: „пойде изъ Венеціи посоль Фома, азъ же видѣвъ такую великую ересь и пойде съ посломъ Декемврія въ 9 день и

¹⁾ Т. II, С.-Пб., 1849 г., 81—88. Самъ ли Сахаровъ придалъ такое заглавіе сочиненію, или нашелъ его въ спискахъ, неизвѣстно.

²⁾ Тамъ же, 80.

³⁾ Тамъ же, 82.

⁴⁾ Тамъ же, 83.

прииде въ великій Новъ-градъ, и все лѣто пребысть у владыки Евфимія". Но въ описаніи самого путешествія мы читаемъ, что Симеонъ продолжалъ путешествіе съ Исидоромъ и не отдѣлялся отъ него подобно послу Томѣ. Онъ, какъ подчиненный митрополиту Исидору и епископу Авраамію, не могъ самовольно отлучаться. Вѣроятно, или переписчики этой повѣсти смѣшали самый текстъ, или, въ самомъ дѣлѣ, сочинитель повѣсти о Флорентійскомъ соборѣ былъ совершенно другой Симеонъ¹⁾). По поводу этого недоумѣнія Сахарова г. Поповъ говоритъ слѣдующее: „Противорѣчіе, дѣйствительно, замѣчательное! Но такъ какъ намъ не удалось встрѣтить въ рукописяхъ ни одного списка „Путешествія“ въ томъ видѣ, какъ оно издано Сахаровымъ, то мы, въ ожиданіи будущихъ открытій, воздерживаемся въ настоящее время отъ всякаго заключенія съ своей стороны“²⁾). Не дѣлая особыхъ какихъ-нибудь „открытій“, мы впослѣдствіи разрѣшимъ это противорѣчіе, объяснивъ которое отказываются Сахаровъ и г. Поповъ.

Двумя сочиненіями пользовался инокъ Симеонъ, когда составлялъ третье свое произведеніе—„Путешествіе“ Сахаровскаго изданія: въ первыхъ, путевыми замѣтками неизвѣстнаго суздальца, во вторыхъ, своимъ „Словомъ“ или собственно его первою частью—Повѣстью объ осьмомъ соборѣ. Отсюда—„Путешествіе“ явилось тогда, когда уже было написано „Слово“, то-есть, послѣ 1461—1462 годовъ.

Симеонъ пользовался вышеуказанными сочиненіями уже слишкомъ широко, приводя въ своемъ „Путешествіи“ выдержки изъ указанныхъ сочиненій съ буквальною точностью. Послѣ тщательныхъ сличеній и вычисленій мы пришли къ тому заключенію, что цѣлыхъ три четверти „Путешествія“ съ буквальною точностью (въ одномъ мѣстѣ съ „почти“ буквальною) заимствованы изъ путевыхъ записокъ неизвѣстнаго суздальца, три шестнадцатыхъ—изъ „Слова“, именно изъ его первой части, то-есть, Повѣсти объ осьмомъ соборѣ, и только одна шестнадцатая не заимствована ни откуда и принадлежитъ „непосредственно“ самому Симеону (говоримъ „непосредственно“ въ отличіе отъ того, что принадлежитъ Симеону въ „Путешествіи“, такъ сказать, посредственно, чрезъ его „Слово“). Всѣ эти заимствованія въ „Путешествіи“ можно даже отмѣтить графически. „Путешествіе“ Сахаровскаго изданія есть, съ одной стороны, распространеніе путевыхъ записокъ неизвѣстнаго суздальца встав-

¹⁾ Тамъ же, 70.

²⁾ Поповъ, 338, прим. 1.

ками изъ Повѣсти редакціи „Слова“ и разнаго рода замѣчаніями, принадлежащими „непосредственно“ самому автору, съ другой—сокращеніе первоначальнаго текста путевыхъ записокъ неизвѣстнаго суздальца.

„Путешествіе“ Сахаровскаго изданія начинается слѣдующими словами: „прииде изъ Цареграда на Москву митрополить Исидоръ во вторникъ Свѣтлая подѣли, по велицѣ дни, и пріять его великій князь чести“¹⁾). Эти слова въ той формѣ, въ какой они приведены здѣсь, не заимствованы и принадлежатъ „непосредственно“ Симеону. Вслѣдъ за этой фразой въ „Путешествіи“ идетъ буквальная выписка изъ Повѣсти редакціи „Слова“, начиная со словъ: „онъ же сый“ и кончая—„миѣвъ себя мудрѣйша единаго во всѣхъ“²⁾). Въ этой выпискѣ говорится о бесѣдѣ митрополита Исидора съ великимъ княземъ относительно путешествія на осьмой соборъ и о клятвѣ—данной митрополитомъ—стоять на соборѣ за православіе. За выпиской изъ Повѣсти редакціи „Слова“ въ „Путешествіи“ непосредственно слѣдуетъ буквальная выписка изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца, начиная со словъ: „лѣта 6945 поѣхалъ митрополить Исидоръ съ Москвы“ и кончая:—„и пріѣхалъ господинъ (митр. Исидоръ) къ Юрьеву и срѣтоша его посадники и ратманы далече и священники со кресты“³⁾). Въ этой выпискѣ разказывается о путешествіи Исидора и его свиты отъ Москвы до Юрьева. Послѣ того въ „Путешествіи“ опять идетъ буквальная выдержка изъ повѣсти редакціи „Слова“, начиная со словъ: „латыны же и нѣмцы крыжъ изнесоша противу его“ (митр. Исидора)—и кончая:—„таковая богоотступная дѣяше“⁴⁾). Здѣсь говорится о предпочтеніи, какое оказалъ Исидоръ въ Юрьевѣ латинскому „крыжу“ предъ православными крестами и о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ этотъ поступокъ митрополита на его свиту. Затѣмъ въ „Путешествіи“ непосредственно слѣдуетъ выписка изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца, начиная со словъ: „Городъ же бѣ Юрьевъ великъ и камень“ — и кончая:—„22 Сардійскій Діонисій, оный на томъ соборѣ къ Богу Господу отъиде“⁵⁾).

¹⁾ „Путешествіе“, Сахаровъ, 81.

²⁾ Ср. „Путешествіе“, Сахаровъ, 81 и „Слова“, Поповъ, 362—363.

³⁾ „Путешествіе“, Сахаровъ, 81—82; ср. Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣвика*, ч. VI, 27—28.

⁴⁾ Ср. „Путешествіе“, Сахаровъ, 82 и „Слова“, Поповъ, 363—364.

⁵⁾ Ср. „Путешествіе“, Сахаровъ, 82—85 и Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣвика*, VI, 29—37.

Въ этой выпискѣ содержится описаніе г. Юрьева, пути отъ него до Феррары и прибытія въ этотъ городъ, и перечисленіе греческихъ архіереевъ, прибывшихъ на феррарскій соборъ. Но въ эту выписку вставлено нѣчто такое, чего не находится въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца. Вставлено именно слѣдующее: „миѣ Симеону и другимъ инокамъ довелось быть (на обѣдѣ у рижскаго архіепискупа) за другимъ (столомъ)“¹⁾;—„и вопросы мя единъ (католическій монахъ въ Любекѣ) о имени, и азъ повѣда ему, яко Симеонъ, инокъ изъ Суздаля града, и той миѣ принесе вина и яства, и удоволихъ меня“²⁾. Указанныя мѣста не заимствованы и принадлежатъ „непосредственно“ Симеону; ихъ источникъ—въ сохранившихся у Симеона воспоминаніяхъ о быломъ своемъ путешествіи въ Италию. Отзывъ объ осьмомъ соборѣ, находящійся также среди этой выписки, взятъ изъ повѣсти редакціи „Слова“. Отзывъ этотъ такой: „идѣже тогда Богоотмѣтный, суемысленный осьмый соборъ папа Римскій составляше“³⁾. За выпиской изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца въ „Путешествіи“ приводится выдержка изъ повѣсти редакціи „Слова“, начинающая со словъ: „а съ папою быша Латинскія церкви архіепискупы“...—и кончая:—„по малѣхъ днѣхъ начаша соборовати тамо“⁴⁾. Тутъ идетъ рѣчь о представителяхъ латинской церкви на феррарскомъ соборѣ, объ ожиданіи папою и греческимъ царемъ прибытія русскаго митрополита и о почестяхъ, съ какими былъ принятъ послѣдній. Послѣ этой выдержки въ „Путешествіи“ указываются даты перваго и втораго засѣданія феррарскаго собора, заимствованныя изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца⁵⁾. Прямо же послѣ датъ въ „Путешествіи“ находится замѣчаніе, „непосредственно“ принадлежащее Симеону: „и тако бысть двадцать пять соборовъ, и не могоша ничего сотворити, зане сила православія бѣ велика, и ничесоже Латини успѣша“⁶⁾. Послѣ этого замѣчанія въ „Путешествіи“ идетъ выписка (не сплошная а съ пропусками) изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца начинающая со словъ: „въ томъ же градѣ Феррарѣ на Папинѣ дворѣ“...—и кончая:—„въ томъ же градѣ (Флоренціи) видѣхомъ черви шелковыя, да

¹⁾ „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 82.

²⁾ Тамъ же, 83.

³⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85 и „Слово“, *Поповъ*, 364.

⁴⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85 и „Слово“, *Поповъ*, 364—365.

⁵⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85 и Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Вивліотека*, VI, 37—38.

⁶⁾ „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85.

и то видѣхомъ какъ шелкъ емлютъ съ нихъ“¹⁾. Въ этой выпискѣ содержится: описаніе одной феррарской диковины, замѣчаніе о покупкѣ яствъ для свиты митрополита Исидора, разказъ о пути изъ Феррары во Флоренцію, описаніе Флоренціи и ея достопримѣчательностей. За этой выпиской слѣдуетъ въ „Путешествіи“ мѣсто, непосредственно принадлежащее Симеону (въ той формѣ, въ какой оно здѣсь приводится); въ немъ упоминается о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались отъ Исидора Авраамій и Симеонъ за ихъ твердость въ православіи,—и о помощи, полученной первымъ отъ Марка Ефесскаго²⁾. Далѣе мы читаемъ въ „Путешествіи“ извѣстіе объ отказѣ Марка Ефесскаго и еще трехъ греческихъ митрополитовъ подписаться подъ опредѣленіемъ Флорентійскаго собора,—извѣстіе, взятое изъ повѣсти редакціи „Слова“³⁾. За этимъ извѣстіемъ въ „Путешествіи“ находится пространная выдержка (не сплошная, а съ пропускомъ) изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца, начиная со словъ: „и поѣха царь съ собора изъ Флоренціи мѣсяца августа 26 дня“,—и кончая:— „ту есть убо на посадѣ (въ Будинѣ) кладязь; кипить въ котлѣ горячая вода въ зимѣ и лѣтѣ“⁴⁾. Въ этой выдержкѣ содержится извѣстіе объ отъѣздѣ греческаго царя изъ Флоренціи 26-го августа и Исидора со свитою 6-го сентября и описаніе путешествія русскаго митрополита и его спутниковъ отъ Флоренціи до Будина включительно. Нужно при этомъ замѣтить, что среди этой выписки находится слѣдующее краткое замѣчаніе, непосредственно принадлежащее Симеону (въ той формѣ, какую оно имѣетъ въ „Путешествіи“): „Исидоръ, ходя по божницамъ (въ Венеціи), и приклякая, какъ Фрязи, и намъ также повелѣваше. Ома же посоль противяся Исидору, зане бѣ не его послушникъ и пойде изъ Венеціи самъ собою“⁵⁾. Послѣ указанной выдержки изъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца въ „Путешествіи“ приводится извѣстіе о прибытіи Исидора въ Литву и на Москву, объ его осужденіи и бѣгствѣ изъ Москвы въ Римъ⁶⁾.

¹⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85—86 и Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣювка*, VI, 38—43.

²⁾ „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 86—87; подобное же извѣстіе, выраженное только другими словами, находится въ Новгородской Повѣсти—Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9, 18 лл.

³⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 87 и „Слова“, *Поповъ*, 371.

⁴⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 87—88 и Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣювка*, VI, 44—48.

⁵⁾ „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 87.

⁶⁾ Тамъ же, 88.

Это извѣстіе въ той формѣ, въ какой оно находится въ „Путешествіи“, принадлежитъ непосредственно Симеону. Этимъ извѣстіемъ и оканчивается „Путешествіе“ Сахаровскаго изданія.

Такимъ образомъ въ „Путешествіе“ Сахаровскаго изданія вошли почти цѣликомъ Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца въ ихъ неполномъ видѣ, оканчивающіяся городомъ Будиномъ, а не Суздалемъ. Мы сказали „почти“ цѣликомъ, такъ какъ въ „Путешествіи“ нѣтъ нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, какія, однако, находятся въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца; нѣтъ именно: полнаго журнала соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ и Флоренціи, описанія папской миссы по совершеніи акта уніи, извѣстія объ отъѣздѣ брата греческаго императора изъ Флоренціи еще до окончанія соборныхъ засѣданій, разказа о проклятіи папою Арбозейскаго (Базельскаго) собора ¹⁾. Что касается повѣсти редакція „Слова“, то, какъ мы видѣли, Симеонъ очень мало пользовался ею въ своемъ „Путешествіи“; и отъ себя „непосредственно“ онъ также мало—даже еще менѣе—привнесъ въ это свое сочиненіе.

Зная истинное отношеніе „Путешествія“ къ Путевымъ Запискамъ неизвѣстнаго суздальца, мы можемъ рѣшить то недоумѣніе Сахарова и г. Попова, о которомъ было уже говорено выше. Въ основѣ этого недоумѣнія лежитъ ихъ неправильный взглядъ на „Путешествіе“. Сахаровъ и г. Поповъ, очевидно, думаютъ, что „Путешествіе“ есть самостоятельный трудъ Симеона, плодъ его личнаго опыта и наблюденія, сводъ его собственныхъ путевыхъ замѣтокъ. Признавая все это, они впадаютъ въ недоумѣніе при видѣ слѣдующаго противорѣчія: Симеонъ, по извѣстію Новгородской повѣсти, изъ Венеціи бѣжалъ отъ Исидора ²⁾, шедшаго изъ Италіи на Русь, и слѣдовательно не могъ быть спутникомъ митрополита и очевидцемъ его дальнѣйшаго пути; а между тѣмъ въ своемъ „Путешествіи“ Симеонъ не прекращаетъ описанія пути митрополита на Венецію, а продолжаетъ это описаніе далѣе, и ведетъ это описаніе отъ себя лично, въ качествѣ очевидца, какъ будто бы вовсе и не было его побѣга изъ Венеціи; онъ попрежнему выражается: „мы видѣхомъ, мы пойдомъ“. Не зная, какъ примирить это противорѣчіе, Сахаровъ готовъ былъ даже допустить существованіе двухъ Симеоновъ, изъ которыхъ

¹⁾ Все это см. въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Византика*, VI, 87—89, 42—45.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 18 л.

одинъ былъ бы авторомъ повѣсти объ осьмомъ соборѣ, а другой—авторомъ „Путешествія“. Но нѣтъ рѣшительно никакой необходимости вымышлять еще другаго Симеона, а можно удовольствоваться и однимъ.

Симеонъ, какъ мы уже говорили выше, составлялъ свое „Путешествіе“ послѣ 1461—1462 гг. И притомъ, какъ составлялъ? Онъ просто взялъ давно уже написанныя Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя вставки и кое-что сократилъ; онъ во всемъ, даже въ словахъ и выраженіяхъ, рабски слѣдовалъ Путевымъ Запискамъ. Неизвѣстный суздалець, не называя себя нигдѣ по имени, велъ описаніе, какъ очевидецъ, отъ своего лица: онъ вездѣ: и при описаніи пути до Венеціи, и при описаніи пути отъ Венеціи—выражался всегда одинаково: „мы видѣхомъ, мы поидохомъ“. Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“ также вездѣ—даже и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о дальнѣйшемъ путешествіи Исидора—отъ Венеціи—выражался подобно неизвѣстному суздальцу: „мы видѣхомъ, мы поидохомъ“ и т. п.; и это вполне понятно, такъ какъ Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“ приводитъ выдержки изъ Путевыхъ Записокъ съ буквальною точностью. Отсюда получалось такое впечатлѣніе, что Симеонъ ведетъ описаніе отъ своего лица, что его „Путешествіе“ отъ начала и до конца есть плодъ его личнаго наблюденія. Этой иллюзіи много способствовало то обстоятельство, что Симеонъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Путешествія“ (именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя являются интерполяціями по отношенію къ Путевымъ Запискамъ) прямо называетъ себя по имени. Такой иллюзіи поддались именно Сахаровъ и г. Поповъ—тѣмъ болѣе, что они не знали литературнаго отношенія „Путешествія“ Симеона къ Путевымъ Запискамъ неизвѣстнаго суздальца; отсюда и ихъ недоумѣніе.—Намъ думается, что этой иллюзіи нѣкоторымъ образомъ намѣренно способствовалъ и самъ Симеонъ. Пополняя въ иныхъ мѣстахъ Путевыя Записки, Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“ рассказываетъ между прочимъ о томъ, какъ въ Венеціи отъ Исидора отдѣлялся и отправился на Русь посолъ Ѳома ¹⁾. Но почему же, спрашивается, вставляя въ Путевыя Записки извѣстіе о бѣгствѣ посла Ѳомы изъ Венеціи, Симеонъ ни словомъ не упоминаетъ о своемъ бѣгствѣ? Вѣдь онъ также бѣжалъ изъ Венеціи и при томъ вмѣстѣ съ посломъ, одно-

¹⁾ „Путешествіе“, Сахаровъ, 87.

временно ¹⁾). Упомянувъ о бѣгствѣ посла, Симеонъ не могъ не поминуть о своемъ собственномъ бѣгствѣ: эти два событія такъ тѣсно были связаны между собою, что представленіе объ одномъ неизбѣжно вызывало въ памяти представленіе о другомъ. Поэтому, если Симеонъ, говоря о бѣгствѣ посла, не упоминаетъ о своемъ собственномъ бѣгствѣ, то, очевидно, не по забывчивости, а съ умысломъ, намѣренно. Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“, какъ мы уже говорили, какъ бы отъ своего лица описываетъ путь Исидора въ Италію и обратно. Для большаго правдоподобія онъ долженъ былъ умолчать о бѣгствѣ своемъ изъ Венеціи; иначе, какъ онъ могъ бы описывать путешествіе Исидора изъ Венеціи на Русь, въ роли очевидца и спутника? Но, спасая правдоподобіе своего „Путешествія“, Симеонъ косвенно противорѣчитъ своей же Новгородской повѣсти.

Да и вообще нужно замѣтить, что Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“ довольно часто противорѣчитъ Новгородской повѣсти. Это зависѣло отъ его рабскаго подчиненія Путевымъ Запискамъ. И если Симеонъ въ своемъ „Путешествіи“ не могъ какъ-нибудь сгладить очевидныхъ противорѣчій между Путевыми Записками и Новгородскою повѣстью, то это должно поставить ему въ литературную вину. Отмѣтимъ эти разнорѣчія между „Путешествіемъ“ и Путевыми Записками съ одной стороны и Новгородскою повѣстью—съ другой. „Путешествіе“ согласно съ Путевыми Записками утверждаетъ, что Исидоръ прибылъ въ Феррару 18-го августа, а Новгородская повѣсть время прибытія относитъ къ 15-му августа ²⁾). „Путешествіе“ согласно съ Путевыми Записками начало соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ относитъ къ 8-му декабря, а Новгородская повѣсть—къ 26-му сентября ³⁾). „Путешествіе“ и Путевыя Записки тому называютъ тверскимъ посломъ, а Новгородская повѣсть великокняжескимъ ⁴⁾). Мало того, Симеонъ въ одномъ мѣстѣ своего „Путеше-

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 18 л.

²⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85; Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣювка*, VI, 36; Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 9 л.

³⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 85; Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣювка*, VI, 37; Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 10 л.

⁴⁾ Ср. „Путешествіе“, *Сахаровъ*, 82, 83; Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлѣювка*, VI, 30, 31; Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 10 л. Звѣсь впрочемъ могло и не быть существеннаго про-

ствія“ противорѣчить не только Новгородской повѣсти, но и указаніямъ своего постоянного руководителя—Путевыхъ Записокъ: онъ говоритъ, что въ Феррарѣ было 25 соборныхъ засѣданій, тогда какъ Путевыя Записки насчитываютъ (правильно) феррарскихъ соборныхъ засѣданій—15, а Новгородская повѣсть—17 ¹⁾).

Что же побудило Симеона къ его компилятивной работѣ? Мы видѣли, что Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца чужды полемическаго отношенія къ латинству и униі, чужды вражды къ Исидору, чѣмъ онѣ рѣзко отличались отъ сочиненій другаго суздальца, инока Симеона. Такимъ образомъ два очевидца Флорентійскаго собора находились какъ-бы въ нѣкоторомъ противорѣчій между собой: Симеонъ въ Новгородской повѣсти и въ повѣсти редакціи „Слова“ говорилъ то, о чемъ совѣтъ не упоминалъ неизвѣстный суздалецъ въ своихъ Путевыхъ Запискахъ. Чтобы сгладить это различіе, Симеонъ внесъ въ Путевыя Записки своего земляка полемическій элементъ, и тогда всѣ три сочиненія стали гармонировать въ своемъ основномъ тонѣ, хотя, конечно, Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца въ ихъ чистомъ первоначальномъ видѣ продолжали все-таки существовать на ряду съ компиляціей Симеона. Нужно замѣтить, что въ древней Руси не было понятія о литературной собственности, поэтому интерполяціи, плагиаты—все это было обыкновеннымъ дѣломъ и не считалось предосудительнымъ.

Такимъ образомъ мы доказали, что иноку Симеону принадлежать слѣдующія три сочиненія: Новгородская повѣсть (Софійскій, Музейскій и Архивный списки), „Слово“ (издано въ „Обзорѣ“ г. Поповымъ) и „Путешествіе“ (издано Сахаровымъ въ его „Сказаніяхъ“).

Съ теченіемъ времени Новгородская повѣсть Симеона въ рукахъ книжниковъ-переписчиковъ подвергалась разнаго рода измѣненіямъ. Такъ на ряду съ списками, воспроизводящими Новгородскую повѣсть въ чистомъ видѣ (указанные выше списки Софійскій, Музейскій, Архивный), появились списки, въ которыхъ эта повѣсть вос-

---

творѣнія: Ома могъ быть тверскимъ бояриномъ, отѣхавшимъ отъ своего князя къ великому князю Московскому и сдѣлавшимся такимъ образомъ великокняжескимъ бояриномъ. „Путешествіе“ и Путевыя Записки могли называться Ому по его тверской службѣ и происхожденію—тверскимъ бояриномъ, а Новгородская повѣсть—великокняжескимъ по его московской службѣ.

¹⁾ Ср. „Путешествіе“, Сахаровъ, 85; — Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Византика*. VI, 37—39; Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 14.

производилась уже въ не чистомъ видѣ. И списковъ втораго рода, нужно замѣтить, больше, чѣмъ перваго. Къ спискамъ, воспроизводящимъ Новгородскую повѣсть не въ чистомъ видѣ, прежде всего нужно отнести списокъ изъ хронографа (XVII вѣка 432—462 л.), изданный г. Поповымъ въ его „Обзорѣ“ подѣ слѣдующимъ заглавіемъ: „Инокъ Симеона іерея суздальца повѣсть, како римскій папа Евгенийъ составилъ осмый соборъ съ своими единомышленниками“ ¹⁾. Сравнивая текстъ повѣсти „Обзора“ съ Музейскимъ спискомъ, мы видимъ, что въ первомъ нѣчто опущено изъ того, что находится во второмъ. Опущено, именно, извѣстіе объ одномъ изъ спутниковъ митрополита Исидора, архимандритѣ Вассіанѣ, и объ опредѣленіи Симеона въ духовники митрополитчѣй свиты; нѣтъ греческихъ окончаній собственныхъ именъ (Григоріосъ, Софроніосъ, Евгениосъ, Досифеосъ) ²⁾. Но зато въ повѣсти Обзора противъ текста Музейскаго списка мы замѣчаемъ нѣкоторыя прибавленія, именно, слѣдующія: историческое вступленіе о началѣ уніи и замѣчаніе объ Исидорѣ: „той-же митрополитъ родомъ латынянинъ“ ³⁾. Во всемъ остальномъ содержаніи повѣсть „Обзора“ совпадаетъ съ Музейскимъ спискомъ, но въ первой это содержаніе излагается нѣсколько иначе, чѣмъ въ послѣднемъ. Такимъ образомъ повѣсть „Обзора“ представляетъ изъ себя пересказъ иными словами съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями содержанія первоначальной Новгородской повѣсти, какъ оно излагается въ Музейскомъ спискѣ. Переписывая этотъ пересказъ, русскіе книжники по своему обыкновенію внесли въ него нѣкоторыя измѣненія и дополненія; такъ появились новыя списки, которые еще болѣе, чѣмъ повѣсть „Обзора“, различались отъ списковъ, воспроизводящихъ Новгородскую повѣсть въ чистомъ видѣ (Софійскаго, Музейскаго, Архивнаго). Эти списки слѣдующіе: списокъ Московскаго Публичнаго Музея № 591, 130—142 л.,—Ундольскаго № 700, 1—15 л.,—Общества Исторіи и Древностей № 195, 118 л.,—профессора Тихонова—безъ номера и помѣты листовъ,—Ундольскаго № 711, 20 л.—всѣ XVII вѣка ⁴⁾. Изъ всѣхъ этихъ списковъ у насъ подѣ руками былъ только одинъ, именно списокъ Московскаго Публичнаго Музея № 591, 130—142 л. Сличая его

¹⁾ 344—359.

²⁾ Ручпись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 10, 11 и 12 л.

³⁾ „Повѣсть“, *Поповъ*, 344—345.

⁴⁾ *Павловъ*, 104.

съ повѣстію „Обзора“, мы замѣчаемъ въ немъ нѣкоторыя отличія отъ послѣдней; прежде всего въ этомъ спискѣ говорится, что Исидоръ поѣхалъ изъ Москвы въ Италію черезъ Царьградъ ¹⁾. Можетъ быть, наши книжники этимъ хотѣли рельефнѣе выставить ту мысль, что Русь была замѣшана въ унію греками. За исключеніемъ указаннаго отличія разказъ въ Музейскомъ спискѣ № 591 идетъ въ томъ же видѣ, большею частію даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ повѣсти „Обзора“. Но конецъ Музейскаго списка совершенно другой, чѣмъ въ повѣсти „Обзора“. Въ послѣдней мы читаемъ: „...„иже въ православной вѣрѣ поминаются, а не въ латинствѣ: и провидѣвъ великій князь Василій Васильевичъ Московскій и всея Русіи въ митрополитѣ Исидорѣ таковую латинскую ересь, яко терніе всѣвающа посреде пшеницы, и повелѣ изъ святительскаго сана извержи, и отъ града Москвы и отъ всея своея области отгнати таковую душегубительную ересь, и искорени ю вскорѣ“ ²⁾. Далѣе слѣдуетъ очень пространная похвала великому князю, чѣмъ и заканчивается Повѣсть ³⁾. Въ Музейскомъ спискѣ № 591 конецъ значительно короче. Послѣ словъ „...„иже—въ православитѣй вѣрѣ поминаются, а не въ латинствѣ“ прямо же непосредственно разказывается на послѣднихъ 12 строкахъ о страданіяхъ Марка Ефесскаго и другихъ поборниковъ православія послѣ осьмага собора. „Паки же, пишется здѣсь, на преднее возвратимся. Марка же митрополита ефесскаго и иныхъ святыхъ митрополитовъ и епископовъ и святыхъ мужей, иже о правовѣрїи подвизающихся и о мирѣ церковномъ душу свою полагающихъ, и раскольному папину осьмому собору не прилагающихся отнюдь, мастръ Родоострожскій (острова Родоса) въ темницахъ нужныхъ затвори и узами тягчайшими обложи. и голодомъ и многими бѣдами принуждаше ихъ сложитися писаніемъ папину раскольному собору. Они-же, яко храбрїи воини, пострадаша по правовѣрїи даже и до смерти. Сего ради, вмѣсто совокупленія и соединенія, конечнѣ отъ православныхъ лика латыня отторжесе и анаемѣ подпадше“ ⁴⁾. Этимъ и заканчивается повѣсть по Музейскому № 591 списку. Такимъ образомъ въ этомъ спискѣ нѣтъ той пространной похвалы великому князю, которою оканчивается повѣсть „Обзора“,

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 591, 131 л.

²⁾ „Повѣсть“, *Поповъ*, 357.

³⁾ Тамъ же, 357—359.

⁴⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 591, 142 л.

но за то въ немъ сдѣлано добавленіе о страданіяхъ за вѣру послѣ осьмаго собора поборниковъ православія. Подобное же добавленіе, составленное въ такихъ же выраженіяхъ, находится и въ спискахъ Ундольскаго № 710, 1—15 л.,—Общества Исторіи и Древностей № 195, 118 л.,—и профессора Тихонравова ¹⁾). Крімъ того, въ списокѣ Ундольскаго № 711, л. 20, разказывается въ концѣ не только о страданіяхъ Марка Ефесскаго и другихъ поборниковъ православія (нѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеуказанныхъ спискахъ), но также и о судьбахъ Флорентійской уніи въ Греціи ²⁾). Здѣсь между прочимъ говорится: „царя Ивана не замедли Божія месть живота лишити: идый бо отъ богомерзкаго противнаго того собора на кораблѣ, и ту вскорѣ умре, его же земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ песь съѣдено бысть“ ³⁾).

Разказъ о страданіяхъ православныхъ послѣ осьмаго собора внесенъ въ наши списки подъ вліяніемъ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ, напечатанной въ 1598 году при „Апокрисисѣ“ въ Острогѣ. Въ этой исторіи „Родосскій аббатъ, богатый предводитель крестоносцевъ“, является злымъ гениемъ флорентійскаго собора. Уже латиняне, побѣжденные доводами грековъ, отказались отъ своихъ заблужденій. и соборъ былъ заключенъ постановленіемъ, въ которомъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа излагался православно. Но въ этотъ моментъ выступаетъ на сцену аббатъ Родосскій. „Слыша еще прежде, что западные склонны къ согласію и ослабѣвали въ доказательствахъ предъ восточными и уступали имъ, онъ, вмѣстѣ съ двумя тысячами вооруженныхъ крестоносцевъ, отправился на этотъ соборъ, гдѣ все пребывало въ мирѣ и согласіи; въ ту же ночь (подъ тотъ день, въ который долженъ быть подписанъ соборный актъ) онъ взошелъ тайно въ городъ, тотчасъ же отправился къ папѣ Евгенію“ и угрозами принудилъ папу дозволить ему—„Родосскому аббату, и кардиналамъ съ епископами разорвать соборъ, уничтожить прежнее согласіе и постановленіе и написать и сдѣлать такъ, какъ хотѣлось имъ и ему самому“. Дѣйствительно, все было устроено такъ, какъ хотѣлось злокозвенному аббату: было написано другое постановленіе, въ которомъ подтверждались всѣ заблужденія римской церкви. Греческихъ отцевъ, послѣ этого, стали силою принуждать подписываться подъ этимъ по-

¹⁾ Павловъ, 104.

²⁾ Тамъ же, 104—105.

³⁾ Тамъ же, 105.

становленіемъ; нѣкоторые, слабые подписались, болѣе твердые отказались. Этыхъ послѣднихъ и постигла жестокая кара: „60 епископовъ, 150 пресвитеровъ и діаконовъ были заключены въ темницу и мучимы узами, заточеніемъ, ранами и голодомъ. Голодомъ морили нѣкоторыхъ дней по пятнадцати, другихъ жгли огнемъ, иныхъ душили и давили; въ этомъ мученіи они получили и мученическіе вѣнцы. Въ числѣ мучениковъ, кромѣ многихъ другихъ, были митрополитъ Амасійскій, Силливрійскій, Халкидонскій, Никодимійскій, Филиппійскій, Діомитринскій, Трапезунтскій и Евринскій... другихъ пресвитеровъ восточныхъ замучили болѣе 1000 душъ“¹⁾. То же самое, только короче, разсказывается у Курбскаго въ его Исторіи о Листрійскомъ соборѣ²⁾. Относительно Марка Ефесскаго объ эти исторіи свидѣтельствуютъ, что онъ, предупрежденный о козняхъ родосскаго аббата, убѣжалъ изъ Итали въ Ефесъ прежде всѣхъ³⁾. Слѣдовательно, разказъ о страданіяхъ Марка, встрѣчающійся въ указанныхъ спискахъ, должно оставить исключительно на отвѣтственности московскихъ книжниковъ XVII вѣка.

Не осталась безъ измѣненій и повѣсть редакціи „Слова“; съ разнаго рода сокращеніями, а иногда дополненіями, она была впослѣдствіи внесена въ лѣтописныя сборники. Повѣсть редакціи „Слова“ въ сокращенномъ видѣ мы встрѣчаемъ на страницахъ, такъ-называемыхъ, второй Софійской и Воскресенской лѣтописей⁴⁾. Нужно замѣтить, что Воскресенская лѣтопись болѣе точно воспроизводитъ повѣсть редакціи „Слова“, чѣмъ вторая Софійская. Поэтому, прежде всего, сличимъ повѣсть объ осьмомъ соборѣ Воскресенской лѣтописи съ повѣстью, находящеюся въ „Словѣ“.

Въ Воскресенской лѣтописи опущено риторическое вступленіе повѣсти „Слова“⁵⁾. Въ лѣтописи прямо пристунается къ дѣлу: „въ лѣто 6945 приде изъ Царьграда на Москву митрополитъ Сидоръ, во вторникъ свѣтлыя недѣли по Велицѣ дни, и пріять его князь великій честно“⁶⁾. Затѣмъ, начиная со словъ: „онъ же смѣй подстре-

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. въ Острожской Исторіи о Листрійскомъ соборѣ—Апокрисисъ Христофора Филалета, Кіевъ, 1869 г., 387—393.

²⁾ Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е, С.-Пб., 1868 г., 262—266.

³⁾ Острожская Исторія о Листрійскомъ соборѣ—Апокрисисъ Христофора Филалета, 392; Сказанія князя Курбскаго, 265.

⁴⁾ Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 151—163;—VIII, 100—106, 108—109.

⁵⁾ См. это вступленіе въ „Словѣ“, *Половъ*, 360—362.

⁶⁾ Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 100.

каемъ бысть сатанюю¹⁾—и кончалъ:—„злато приеише отъ Бога отлучишася и съ Латынею соединишася“. на страницахъ Воскресенской лѣтописи замѣчается болѣе или менѣе точное воспроизведеніе повѣсти „Слова“²⁾). Прямо непосредственно послѣ словъ: „злато приеише“ и т. д. въ Воскресенской лѣтописи по сравненію съ повѣстью „Слова“ начинается значительный пропускъ, который продолжается вплоть до словъ: „что убо царю въ латынѣхъ доброе видѣлъ еси“³⁾). Послѣ пропуска въ Воскресенской лѣтописи снова идетъ точное воспроизведеніе повѣсти „Слова“ до посланія папы Евгенія къ Василию Васильевичу включительно⁴⁾). Послѣ грамоты Евгенія въ Воскресенской лѣтописи по сравненію съ повѣстью „Слова“, опять замѣчается пропускъ до словъ: „и услышавъ по изреченіи словесъ его“⁵⁾). Послѣ этого пропуска въ Воскресенской лѣтописи опять идетъ болѣе или менѣе точное воспроизведеніе повѣсти „Слова“ и кончается словами: „ему же (великому князю) о семъ откры Господь Богъ велеумнѣ разумѣвати и вся мудрствовати“⁶⁾); этими словами вмѣстѣ съ тѣмъ и оканчивается лѣтописная повѣсть объ осьмомъ соборѣ, тогда какъ повѣсть „Слова“ въ *непрерывной рѣчи* продолжаетъ: „яко же (разумѣвати и мудрствовати) и одному Соломону премудрому“ и т. д. до словъ: „и всему народу христіанскія вѣры“, чѣмъ она и заканчивается совсѣмъ⁶⁾).

Повѣсть редакціи „Слова“ точно въ такомъ же видѣ, какъ и въ Воскресенской лѣтописи, находится въ рукописномъ полемиическомъ сборникѣ противъ затинянъ XVII вѣка, принадлежащемъ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи № 80⁷⁾).

Во второй Софійской лѣтописи повѣсть редакціи „Слова“ немного болѣе сокращена и видоизмѣнена, чѣмъ въ Воскресенской. Кромѣ сокращеній общихъ объёмъ лѣтописямъ, во второй Софійской суще-

¹⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 100—105 и „Слова“, *Половъ*, 362—372.

²⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 105 и „Слова“, *Половъ*, 372—373.

³⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 105—106, 108—109 и „Слова“, *Половъ*, 373—377.

⁴⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 109 и „Слова“, *Половъ*, 377—378.

⁵⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 109 и „Слова“, *Половъ*, 378—379.

⁶⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 109 и „Слова“, *Половъ*, 379—380.

⁷⁾ Ср. рукописи бібліотеки Московской Духовной Академіи, № 80, 7—8 лл. 33-й тетради и 1 л. 35-й тетради и Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 100—106, 108—109.

ствують и нѣкоторыя другія сокращенія текста повѣсти „Слова“, которыхъ нѣтъ въ Воскресенской ¹⁾. Но оканчивается вторая Софійская лѣтопись точно также, какъ и Воскресенская ²⁾. Нужно еще замѣтить, что во второй Софійской лѣтописи предъ извѣстіемъ о смерти патріарха Іосифа вставлено опредѣленіе флорентійскаго собора объ униі, котораго нѣтъ ни въ повѣсти „Слова“, ни въ повѣсти Воскресенской лѣтописи ³⁾. Кромѣ того, во второй Софійской лѣтописи посланіе папы Евгенія къ великому князю Василю Васильевичу въ противоположность повѣсти „Слова“ и Воскресенской лѣтописи приведено прямо послѣ грамоты Исидора изъ Будина ⁴⁾.

Повѣсть редакціи „Слова“ мы встрѣчаемъ также и на страницахъ такъ называемой Никоновской лѣтописи; здѣсь она находится почти въ такомъ же видѣ, какъ и въ лѣтописяхъ второй Софійской и Воскресенской ⁵⁾. Но при этомъ Никоновская повѣсть имѣетъ одно существенное отличіе и отъ повѣсти „Слова“, и отъ повѣсти Воскресенской и второй Софійской лѣтописей: именно въ ней мы замѣчаемъ значительное добавленіе къ первой рѣчи Марка Ефесскаго на осьмомъ соборѣ ⁶⁾.

Одинъ, намъ неизвѣстный, переписчикъ-книжникъ также пользовался повѣстью „Слова“ и какъ разъ въ томъ же точно размѣрѣ, какъ и составитель Воскресенской лѣтописи. Въ своемъ спискѣ онъ соединилъ вмѣстѣ путевыя записки неизвѣстнаго суздальца, въ ихъ

¹⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 156, 159 и „Слова“, *Поповъ*, 370, 373—374.

²⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 163 и т. VIII, 109 и „Слова“, *Поповъ*, 378—379.

³⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 156—158; „Слова“ *Поповъ*, 371 и Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 106.

⁴⁾ Ср. Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 160; „Слова“, *Поповъ*, 376—377 и Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 106. Впрочемъ, въ сборникѣ Императорской Академіи Наукъ XVI вѣка, изъ котораго во второй Софійской лѣтописи взяты варианты къ Повѣсти объ осьмомъ соборѣ, посланіе папы къ великому князю Василю Васильевичу помѣщено въ томъ же мѣстѣ, въ какомъ оно находится въ повѣсти „Слова“ и въ Воскресенской лѣтописи (вторая Софійская лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 161, примѣчаніе подъ звездочкой).

⁵⁾ Ср. Никоновскую лѣтопись, изд. 1789 г., ч. V, 123—125, 127—136, 138—147, 148—150, 153—154, 159; Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 151—163; VIII, 100—106, 108—109.

⁶⁾ Ср. Никоновскую лѣтопись, ч. V, 130—131; „Слова“, *Поповъ*, 366—367; Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 102; VI, 153—154.

неполномъ видѣ (до Будина) съ повѣстью редакціи „Слова“. Такъ появилась та компиляція, которая издана Новиковымъ въ его Виліоевкѣ ¹⁾).

Кромѣ сказаній о флорентійской униі, уже нами разобранныхъ, существуетъ еще исторія осьмага собора, принадлежащая князю Курбскому и написанная имъ въ послѣднюю пору его жизни, во время пребыванія въ польско-литовскомъ королевствѣ; ее мы теперь и стараемся обслѣдовать съ критико-библиографической стороны.

Сочиненія Курбскаго въ первый разъ были изданы Н. Устряловымъ, въ 1833 году, въ двухъ частяхъ, составляющихъ двѣ отдѣльныя книги, подъ заглавіемъ: „Сказанія князя Курбскаго“. Во второй части этихъ „Сказаній“ (въ концѣ) помѣщена исторія флорентійскаго собора. Мы будемъ имѣть дѣло не съ первымъ изданіемъ „Сказаній“, а съ изданіемъ третьимъ, исправленнымъ и дополненнымъ (С.-Пб., 1868 г.). Въ этомъ изданіи всѣ сочиненія Курбскаго раздѣлены на 4 отдѣла (въ одной книгѣ); въ четвертомъ отдѣлѣ и помѣщена „Исторія Флорентійскаго собора“ (261—267 стр.).

Въ предисловіи къ своей Исторіи Курбскій говоритъ слѣдующее: „о той исторіи, о осьмомъ соборѣ, и о разорваніи или раздраніи умиленномъ восточныхъ церквей съ западными, написано въ Вильнѣ отъ нѣкоего субдіакона, недостатку ради исторіи тоя: въ римскомъ—сраму ради не написано, въ русской же исторіи, яко мню, невѣдѣнія ради, или тогдашняго ради гоненія незапнаго и прелютаго. А нынѣ предреченное мало изъявимъ, Богу намъ помогающу, изъявляюще всякому христіанину, како и которая ради вины та трагедія достохвальная въ копецъ злый и жалостный приде, всѣмъ Христа чествующимъ во вселенной на уничтоженіе и скорбя, а безвѣрнымъ Жидомъ и Туркомъ на радость и на руганіе христіанское“ ²⁾. Смыслъ этого предисловія такой. Какой-то субдіаконъ написалъ въ Вильнѣ исторію флорентійскаго собора (очевидно на самомъ сочиненіи не было проставлено имя автора, и Курбскій знаетъ лишь по слухамъ, что этотъ авторъ именно субдіаконъ). Что побудило субдіакона принять на себя этотъ трудъ? Скудость, недостатокъ историческихъ данныхъ о флорентійскомъ соборѣ: католики не писали объ этомъ соборѣ „сраму ради“, то-есть, не желая разоблачать постыдныхъ дѣяній на этомъ соборѣ тогдаш-

¹⁾ VI, 27—70. Ср. *Древнюю Россійскую Виліоевку*, VI, 48—69; Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 100—106, 108—109; „Слова“, *Половъ*, 362—379.

²⁾ „Сказанія“, 261.

ней католической іерархіи, русскіе же (разумеются русскіе Московскаго государства) не писали или по невѣдѣнію, или по причинѣ тогдашняго внезапнаго и лютаго гоненія ¹⁾. Вотъ въ силу чего субдіаконъ и написалъ свою исторію. „Мы же, говорятъ Курбскій, предреченное (вышесказанное, то-есть, исторію объ осьмомъ соборѣ) мало изъяснимъ“. — вкратцѣ разкажемъ. Ссылка на виленскаго субдіакона доказываетъ, что, составляя любопытное свое сказаніе о флорентійскомъ соборѣ, Курбскій имѣлъ подъ руками какое-то, намъ неизвѣстное, сочиненіе ²⁾. Ни самъ Устряловъ, ни кто другой изъ изслѣдователей не рѣшалъ вопроса объ этомъ „неизвѣстномъ сочиненіи“. Постараемся восполнить этотъ пробѣлъ.

Субдіаконъ могъ быть только или католикомъ, или православнымъ (еще въ то время не было брестской уни); сочиненіе его могло быть написано или на латинскомъ, или на польскомъ, или на русскомъ языкахъ, могло принадлежать или польской или южно-русской литературѣ.

Просматривая наиболѣе обстоятельные курсы исторіи польской литературы Вишневскаго и Крашевскаго, мы не нашли тамъ даже намекъ на виленскаго субдіакона и его произведеніе—и это въ такихъ исторіяхъ польской литературы, гдѣ достаточно отведено мѣста для церковной латинско-польской письменности, гдѣ перечисляются всѣ, даже мелкія, произведенія церковнаго характера. Особенно это нужно сказать про исторію Вишневскаго: двѣ трети 8-го тома его исторіи посвящены церковной латинско-польской литературѣ XVI—XVII вѣковъ ³⁾. Правда, у Вишневскаго говорится, что въ Вильнѣ, въ 1581 году, іезуитъ Василій Амаесскій, родомъ русинъ, издалъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ сочиненія (подложнаго) Геннадія Схолярія объ исхожденіи св. Духа ⁴⁾; но это не исторія флорентійскаго собора, а защита его рѣшеній. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что виленскій субдіаконъ не католикъ, и его сочиненіе не принадлежитъ къ латинско-польской литературѣ.

¹⁾ „Авторъ, говоритъ издатель, разумѣетъ гоненіе Исидора“ (?); „Сказанія“, 367 стр., прим. 364. Странно, что Курбскій упускаетъ изъ виду сочиненія инокъ Симеона суздальца.

²⁾ Подобное же говоритъ и издатель „Сказаній“, 367 стр., прим. 363.

³⁾ *Michał Wisniewski*, *Historia Literatury Polskiej*, т. VIII, 1851 г., 158—487.

⁴⁾ Тамъ же, 282.

Остается, такимъ образомъ, предположить, что субдіаконъ былъ православный, и что его произведение было написано по-русски. Что оно было написано на русскомъ языкѣ, это можно видѣть изъ тщательнаго разсмотрѣнія текста исторіи Курбскаго. Курбскій, несомнѣнно, пользовался сочиненіемъ субдіакона, но нигдѣ не видно хотя бы малѣйшихъ слѣдовъ перевода съ латинскаго или польскаго языковъ. И по мнѣнію Устрялова, Курбскій, руководствуясь сочиненіемъ субдіакона, не переводилъ его, а только выбиралъ факты и разказывалъ ихъ по своему, вставляя собственные мысли, въ чемъ удостовѣряютъ ссылки его на Максима Грека и Русскія лѣтописи ¹⁾). Итакъ, сочиненіе субдіакона есть произведеніе русское, православное (потому Курбскій и могъ „руководствоваться“ имъ). Но далѣе, какъ найти болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ? Наши изслѣдователи не задавались подобнымъ вопросомъ; поэтому, не рассчитывая на ихъ помощь, приступимъ къ собственнымъ изысканіямъ.

Въ 1598 году, спустя 2 года послѣ уніи (1596 г.), уніатскій владими́ро-волинскій епископъ Ипатій Поцѣй написалъ посланіе (отъ 3-го іюня) къ князю К. Острожскому съ цѣлью склонить его къ уніи ²⁾). Въ этомъ посланіи онъ, между прочимъ, писалъ: „Благодатію Бога Вседержителя и произволеніемъ его святыхъ, безъ котораго воли ничто человѣку не возможно, осталось соединеніе между церковію греческою и римскою въ панствѣ его королевской милости. папа нашего милостиваго, которое по такъ долгомъ времени схизмы проклятой, мало не полтораста лѣтъ, недбалостію старшихъ на соборѣ Флорентійскомъ отлогомъ лежало, а теперь часовъ нашихъ одновено, постановлено и утверждено есть... постановили (плдыки на Брестскомъ соборѣ) тедымо тую единость (то-есть, ту „единость“, какава была постановлена на Флорентійскомъ соборѣ), то-есть, ничего новаго не учинили есьмо“ ³⁾). Въ этихъ словахъ Поцѣй доказываетъ ту мысль, что Брестскій соборъ, постановивъ унію, ничего новаго этимъ не привнесъ, а только возстановилъ то единеніе между церквами, которое состоялось на Флорентійскомъ соборѣ и почти 150 лѣтъ оставалось въ забвеніи. Князь Острожскій не захотѣлъ отвѣчать на это посланіе Поцѣя, но вмѣсто князя, по собственному желанію, одинъ клирикъ острожскій въ томъ же году (1598) написалъ „Отпись“ на

¹⁾ „Сказанія“, 367 стр., прим. 363.

²⁾ См. Акты Южной и Западной Россіи, т. I, С.-Пб., 1863 г., № 224.

³⁾ Тамъ же, 281 стр.

посланіе Поцѣя ¹⁾. Въ своей „Отписи“ вотъ что, между прочимъ, говоритъ клирикъ острожскій, обращаясь къ Поцѣю: „Ты упоминаешь о Флорентійскомъ соборѣ и говоришь въ своемъ письмѣ, что вы въ ономъ своемъ согласіи (разумѣется Брестская унія) ничего новаго не постановили и не сдѣлали; но будто возобновили только это флорентійское соединеніе, полтораста лѣтъ лежавшее въ забвеніи: и я тоже вижу, да и всѣмъ живо, что вы пыгѣшнимъ своимъ согласіемъ возобновили оное флорентійское соединеніе, или—справедливѣе — разбойнической (листрійскій) соборъ... Я весьма, отче честный, удивляюсь тому, что ты къ одной сторонѣ скоро склоняешь свое ухо и высказываешь къ ней сердечную горячность, а о другихъ и подумать не хочешь. Ты ухватился за одну, написанную латинянами и направленную противъ грековъ исторію (флорентійскаго собора), изданную при папѣ Григоріѣ: ее ты читаешь, ей вѣришь, на нее ссылаешься, ею защищаешься и ее одну считаешь истинною. *а своей (русской) исторіи давно и вѣрно написанной объ этомъ (флорентійскомъ) соборѣ, ты не читаешь и не хочешь ей вѣрить.* Итакъ чтобы ваша милость не ослѣплялась болѣе флорентійскимъ соединеніемъ, въ концѣ этого посланія вы найдете исторію флорентійскаго собора, написанную кратко, но справедливо“ ²⁾. И дѣйствительно, поставивъ въ концѣ своей „Отписи“—„Аминь“, клирикъ острожскій далѣе приводитъ, въ видѣ отдѣльнаго приложенія къ своему сочиненію, „Исторію о листрійскомъ, то-есть, разбойническомъ, феррарскомъ или флорентійскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанную“ (заглавіе исторіи) ³⁾. Исторія эта, судя по словамъ клирика острожскаго, была уже *давно написана*; слѣдовательно, она долгое время оставалась извѣстною только *въ рукописи* и лишь въ 1598 г. клирикъ острожскій *напечаталъ* ее въ Острогѣ при своей „Отписи“. Но когда же была написана „Исторія о Листрійскомъ соборѣ?“.

Вотъ что говоритъ г. Кояловичъ: „еще гораздо раньше 1590 г. начали появляться въ Литвѣ разныя сочиненія, имѣвшія близкую связь съ Уніей или, яснѣе говоря, написанныя объ уніи и для уніи. Таковы: 1) Поссевина—„Moskowie“ (Wilna, 1586 г.), 2) „O porprawie Kalendarza“, Grodzickiego Soc. Ies. (Wilna, 1587 г.), 3) его же—„O jednej osobie w używaniu Sacramentuciala pauskiego“ (тамъ же,

¹⁾ Эта „Отпись“ напечатана при „Двокрисѣ“, Кіевъ, 1869 г., 327—400.

²⁾ Тамъ же, 350—351.

³⁾ Тамъ же, 369—400.

1589 г.), 4) „Ozgradzie i jedności Kaszciola' Bożego pod jednym pa-sterzem“—Скарги 1591 года—и какъ опроверженіе ихъ—5) О единствѣ вѣры—Василія и 6) *О Флорентійскомъ соборѣ*—Острожскаго клирика (?) ¹⁾. Такимъ образомъ по Кояловичу выходитъ, что *Исторія о Листрійскомъ соборѣ* написана во всякомъ случаѣ не раньше тѣхъ сочиненій, противъ которыхъ она могла быть направлена, то-есть. не раньше 1586—1591 гг. Пр. Макарій предполагаетъ, что „Исторія о Листрійскомъ соборѣ“ направлена противъ подложной апологій Флорентійскаго собора, переведенной и изданной Станиславомъ Радзивиломъ ²⁾. А извѣстно, что Станиславъ Радзивиль перевелъ съ греческаго и издалъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ подложное сочиненіе Геннадія Схоларія—апологію Флорентійскаго собора—именно въ 1586 г. ³⁾. Итакъ, согласно съ мнѣніемъ пр. Макарія „Исторія о Листрійскомъ соборѣ“ могла появиться во всякомъ случаѣ не раньше 1586 г.

Но почему почтенные авторы предполагаютъ, что „Исторія о Листрійскомъ соборѣ“ направлена противъ тѣхъ именно сочиненій, которыя они указываютъ? Какъ извѣстно, еще въ 1577 г., слѣдовательно, гораздо ранѣе 1586—1591 гг. появилось въ Вильнѣ сочиненіе іезуита Петра Скарги подъ такимъ заглавіемъ: „О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ этого единства отступленіи“ ⁴⁾. Мы не будемъ говорить о цѣли этого сочиненія и его тенденціи—это общезвѣстно. Скажемъ только, что цѣлыхъ шесть главъ второй части этого сочиненія (всѣхъ частей—три) посвящены флорентійской уніи ⁵⁾. Здѣсь говорится, что греческая церковь, отступивъ отъ римской, не переставала стремиться къ соединенію съ ней и дѣйствительно соединилась на Флорентійскомъ соборѣ. Далѣе идетъ описаніе этого собора въ іезуитско-католическомъ духѣ. Въ третьей части своего сочиненія Скарга приглашаетъ русскихъ возобновить флорентійскую унію и на тѣхъ же условіяхъ ⁶⁾. Такимъ образомъ, уже съ 1577 г. началась литературная

¹⁾ Литовская Церковная Унія, С.-Пб., 1859 г., т. I, 173.

²⁾ *Исторія Русской Церкви*, т. IX, 424.

³⁾ *Вишневскій*, 291.

⁴⁾ Это сочиненіе напечатано по польскому тексту въ Русской Исторической Библиотекѣ, изданіе Археографической комиссіи, т. VII, С.-Пб., 1882 г.—Памятники полемической литературы въ Западной Руси, книга вторая, 224—526.

⁵⁾ Тамъ же, съ 15 rozdziala до конца второй части—до 20 rozdziala, 415—460.

⁶⁾ Тамъ же, 463—526.

пропаганда униі; съ этихъ поръ католики все чаще и чаще стали ссылаться на Флорентійскій соборъ, разрисовывая его по своему,—ссылаться, какъ на историческій прецедентъ для униі. Поэтому отчего же нельзя въ свою очередь предположить, что Исторія о Листрійскомъ соборѣ направлена именно противъ тѣхъ главъ второй части сочиненія Скарги, въ которыхъ съ католической точки зрѣнія трактуется о Флорентійскомъ соборѣ. По крайней мѣрѣ мы смѣло рѣшаемся утверждать, что эта Исторія *написана* не ранѣе 1577 г., когда началась литературная пропаганда униі и когда католики стали ссылаться на Флорентійскій соборъ,—и не позднѣе 1583 года. Почему Исторія о Листрійскомъ соборѣ не могла явиться позднѣе 1583 г., это мы сейчасъ объяснимъ.

Сравнивая эту Исторію со сказаніемъ Курбскаго о Флорентійскомъ соборѣ, мы видимъ, что послѣднее представляетъ изъ себя не болѣе, какъ сокращеніе первой. Изложимъ вкратцѣ содержаніе Исторіи о Листрійскомъ соборѣ.

Въ началѣ этой исторіи разказывается о сношеніяхъ папы Евгенія съ константинопольскимъ царемъ Палеологомъ, князьями сербскими, болгарскими, русскими (?) по вопросу о соединеніи церквей,—о спорахъ относительно того, гдѣ должно быть собору: на Западѣ, или на Востокѣ,—о началѣ соборныхъ засѣданій въ Феррарѣ и греческихъ членахъ собора ¹⁾. Далѣе идетъ подробный разказъ объ Исидорѣ, о прибытіи его изъ Греціи на Москву, о его путешествіи въ Италію (здѣсь разказывается о случаѣ въ Юрьевѣ) ²⁾. Затѣмъ рѣчь идетъ о соборныхъ преніяхъ, которыя налагаются очень подробно, и о томъ добровольномъ соглашеніи спорящихъ сторонъ, которымъ заключились эти пренія ³⁾. Послѣ этого повѣствуется объ аббатѣ Родосскомъ, уничтожившемъ это прежнее соглашеніе, написавшемъ вмѣстѣ съ другими своими сторонниками другое постановленіе, въ которомъ утверждались всѣ заблужденія латинства;—разказывается, какъ аббатъ Родосскій силою принуждалъ греческихъ отцовъ подписываться подъ этимъ опредѣленіемъ, какъ онъ мучилъ ихъ, предавалъ смерти ⁴⁾. Затѣмъ говорится о судьбѣ униі въ Греціи и Россіи, о разореніи латинянами Аюона ⁵⁾. За этимъ

¹⁾ Исторія о Листрійскомъ соборѣ, „Апокрисисъ“, 369—371.

²⁾ Тамъ же, 371—374.

³⁾ Тамъ же, 374—387.

⁴⁾ Тамъ же, 387—398.

⁵⁾ Тамъ же, 394—399.

слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ проводится та мысль, что Восточная церковь воспитана среди гоненій, среди крови, что и въ будущемъ членамъ этой страждущей церкви придется проходить сквозь огонь и воду прежде, чѣмъ достигнуть вѣчнаго покоя и царства ¹⁾).

Всѣ факты Курбскій заимствовалъ изъ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ, давая имъ, впрочемъ, нѣсколько иное освѣщеніе и излагая ихъ значительно короче; но иногда онъ заимствуетъ содержаніе изъ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ съ буквальною точностію ²⁾). Широко пользуясь Исторіей о Листрійскомъ соборѣ, Курбскій многое въ ней совсѣмъ опускалъ: такъ онъ не помѣстилъ въ своемъ сказаніи подробнаго разказа объ Исидорѣ,—о ходѣ соборныхъ преній и заключенія. Вообще, сличая тексты Исторіи о Листрійскомъ соборѣ и сказанія Курбскаго, мы пришли къ твердому убѣжденію, что послѣднее составлено подъ сильнымъ вліяніемъ первой. Да и самъ Курбскій въ предисловіи къ своему сказанію даетъ понять, что онъ руководствовался Исторіей Флорентійскаго собора, написанной въ Вильнѣ какимъ-то субдіакономъ ³⁾). Устряловъ прямо говоритъ, что „ссылка на виленскаго субдіакона доказываетъ, что составляя сіе любопытное сказаніе о Флорентійскомъ соборѣ, Курбскій руководствовался какимъ-то намъ неизвѣстнымъ сочиненіемъ“ ⁴⁾). Это „неизвѣстное“ сочиненіе, какъ оказывается, есть именно Исторія о Листрійскомъ соборѣ.

Справедливость требуетъ отиѣтить въ сказаніи Курбскаго и то, что, повидимому, противорѣчитъ высказанному выше нашему взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, если Курбскій пользовался, руководился Исторіей о Листрійскомъ соборѣ, то какъ объяснить разности между его сказаніемъ и этой исторіей? Укажемъ эти разности. Въ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ говорится, что латиняне въ вопросѣ объ исхожденіи св. Духа уступили было грекамъ; послѣдніе въ свою очередь сдѣлали нѣкоторыя уступки латинянамъ: они дозволяли Западу слѣдовать своимъ церковнымъ обычаямъ и обрядамъ, дозволяли опрѣсноки, celibаты и субботній постъ ⁵⁾). По Курбскому же, греки не

¹⁾ Тамъ же, 399—400.

²⁾ Ср. Исторію о Листрійскомъ соборѣ—„Апокрисисъ“, 369, 387—389, 390—391, 396 и Исторію Курбскаго—„Сказанія“, 261—262, 264—265, 266.

³⁾ Исторія Курбскаго—„Сказанія“, 261.

⁴⁾ Тамъ же, 367 стр., прим. 363.

⁵⁾ Исторія о Листрійскомъ соборѣ, „Апокрисисъ“, 386.

сдѣлали уступки латинянямъ въ вопросѣ объ опрѣснокахъ и требовали отъ нихъ совершенія Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ ¹⁾. Исторія о Листрійскомъ соборѣ утверждаетъ, что патриархъ Іосифъ удушенъ во Флоренціи, а по Курбскому онъ *умеръ* въ Венеціи ²⁾. Кромѣ того, въ Историческомъ сказаніи Курбскаго содержится извѣстіе о томъ, что въ вопросѣ о времени пресуществленія св. Даровъ на соборѣ были сдѣланы взаимныя уступки: „о той харизмѣ или тайнахъ позволили было Латины Грекамъ; такожъ Греки и Сириане и всѣ православные соединились было въ томъ, яже и въ префации или предисловіи свидѣтельствуеть о томъ писатель“ ³⁾. Подъ писателемъ здѣсь, очевидно, разумѣется субдіаконъ—авторъ „неизвѣстнаго“ сочиненія— по нашему мнѣнію— Исторіи о Листрійскомъ соборѣ. Но въ этой Исторіи, судя по печатному ея изданію 1598 г. (перепечатана въ 1869 г. при Апокрисисѣ), нѣтъ даже намека на то, что вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ поднимался на соборѣ. Всѣ эти противорѣчія, по нашему мнѣнію, могутъ быть объяснены. Исторія о Листрійскомъ соборѣ, какъ мы уже говорили, основываясь на показаніи „Отписи“, въ первое время существовала въ рукописи; съ этой рукописи, понятно, дѣлались списки, которые въ частностяхъ могли быть несходны съ оригиналомъ и между собой, что, конечно, зависѣло отъ переписчиковъ. Курбскій пользовался однимъ изъ этихъ рукописныхъ списковъ; а въ 1598 г. Исторія о Листрійскомъ соборѣ была напечатана по другому списку, въ частностяхъ несогласному съ тѣмъ, которымъ пользовался князь Курбскій. Можно объяснить различіе и такъ: Курбскій имѣлъ подъ руками Исторію о Листрійскомъ соборѣ въ ея первоначальномъ видѣ; впоследствии же, именно въ 1598 г., авторъ „Отписи“, издавая Исторію въ печать, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія.

Послѣ того, какъ опредѣлилось отношеніе Исторіи Курбскаго къ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ, намъ понятно теперь будетъ, почему послѣдняя не могла быть написана въ крайнемъ случаѣ позднѣе 1588 г.: Курбскій, составляя свое сказаніе, пользовался Исторіей о Листрійскомъ соборѣ; но Курбскій свое сочиненіе написалъ

¹⁾ Исторія Курбскаго, „Сказанія“, 263.

²⁾ Ср. Исторію о Листрійскомъ соборѣ, „Апокрисисъ“, 393 и Исторію Курбскаго, „Сказанія“, 266.

³⁾ Исторія Курбскаго, „Сказанія“, 263.

не позднѣ мая мѣсяца 1583 г., такъ какъ въ этомъ году и въ этомъ мѣсяцѣ онъ скончался ¹⁾).

Нужно замѣтить, что авторъ Исторіи о Листрійскомъ соборѣ до сихъ поръ неизвѣстенъ, хотя Кояловичъ и преосвящ. Макарій предположительно таковыми считаютъ острожскаго священника Василя—извѣстнаго составителя сочиненія: „О единой вѣрѣ“ ²⁾). Судя же по указанію Курбскаго, это былъ неизвѣстный по имени виленскій субдіаконъ, съ чѣмъ мы и соглашаемся.

Если по нашему предположенію Исторія о Листрійскомъ соборѣ была направлена противъ сочиненія Скарги: „О единствѣ Церкви Божіей...“, написаннаго въ 1577 г., то что же побудило Курбскаго возобновить полемику по вопросу о флорентійской уніи?—Отвѣтимъ: сами обстоятельства того времени.

Извѣстный папскій посолъ къ Іоанну IV іезуитъ Поссевинъ проѣздомъ въ Москву останавливался въ Литвѣ (въ 1580 г.) и здѣсь своими совѣтами много помогъ дѣлу уніи. Онъ далъ отцамъ іезуитамъ цѣлый рядъ инструкцій, какъ дѣйствовать ³⁾). Вотъ его первый совѣтъ (ratio): 1) *Ut quae per modum Interrogationum et Responsum ex Gennadio collecta sunt, Vilnae statim imprimantur, ruthenisque in Collegio studentibus dono dentur, tanto numero, ut ad affines, aut consanguineos, et amicos suos, qui ea possint capere, si qui linguam latinam sciverint, ipsimet studiosi possint mittere; ad quod essent a suis praecceptoribus et confessoribus animandi*“ ⁴⁾). А вотъ и второй совѣтъ (ratio) Поссевина: 2) „*Ut ex quinque Gennadii Tractatibus, postremus de Primatu Pontificis maximi exatur...*“ ⁵⁾). Какъ извѣстно, Григорій (въ монашествѣ Геннадій) Схоларій написалъ три рѣчи, которыя представилъ Флорентійскому собору. Въ этихъ рѣчахъ содержалось увѣщаніе къ заключенію мира не по какимъ-нибудь постороннимъ побужденіямъ, но на основаніи всеміи дознанной истины; въ нихъ указывались и нѣкоторые способы къ ея

¹⁾ 4-го мая 1583 года князь Курбскій подмисалъ жалованную грамоту Ивану Мошинскому, а 24-го мая того же года вдова его (Курбскаго) введена была во владѣніе. См. „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“, Кіевъ, 1849 г., т. I, 242, 245.

²⁾ Литовская Церковная Унія, т. I, 178; Исторія Русской Церкви, т. IX, 426.

³⁾ См. его „Rationes“,—*Supplementum ad Hist. Russ. Monum.*, С.-Пб., 1848, 89—41.

⁴⁾ Тамъ же, 39.

⁵⁾ Тамъ же.

опредѣленію (догмать объ исхожденіи св. Духа). Латиняне въ послѣдствіи въ своихъ видахъ исказили эти рѣчи; мало того они измыслили еще особое посланіе и приписали его тому же Геннадію ¹⁾. Это явно подложное посланіе и три искаженные рѣчи составили изъ себя нѣчто въ родѣ апологіи Флорентійскаго собора. Вотъ Поссевинъ и совѣтуетъ теперь сдѣлать извлеченія изъ этой апологіи, издать ихъ и дать имъ возможно широкое распространеніе среди русскихъ, относившихся съ уваженіемъ къ имени константинопольскаго патріарха Геннадія. Эти совѣты Поссевина скоро исполнились: въ 1581 г. іезуитъ Василій Амасскій издалъ въ Вильнѣ первое извлеченіе изъ подложнаго сочиненія—апологіи Флорентійскаго собора—объ исхожденіи св. Духа, расположенное въ вопросахъ и отвѣтахъ ²⁾. Назначенное для широкаго распространенія среди православныхъ, это „извлеченіе“ не могло не обратить на себя вниманія такого бдительнаго стража православія, какъ Курбскій, и послѣдній взялся за перо, чтобы описать Флорентійскій соборъ въ его истинномъ видѣ. Отсюда открывается, что Исторія Курбскаго написана послѣ 1581 года.

Изслѣдуя древне-русскія сказанія о Флорентійской униі, мы не касались вопроса о достовѣрности тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ этихъ сказаніяхъ. Теперь же постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ. Держась хронологической послѣдовательности событій, мы будемъ отмѣчать въ сказаніяхъ все то, что недостовѣрно.

Когда Исидоръ высказалъ великому князю свое намѣреніе идти въ Италію на соборъ, послѣдній, отговаривая его отъ этого намѣренія, произнесъ цѣлую рѣчь ³⁾. Эта рѣчь отъ начала и до конца сочинена, носитъ всѣ признаки искуснаго книжнаго построенія, тогда какъ великій князь былъ вообще не книжный человѣкъ и къ тому же въ это время (1437 г.) былъ еще очень молодъ ⁴⁾. Вѣрно только то, что правительство московское противилось намѣренію Исидора.

¹⁾ О подложныхъ сочиненіяхъ Геннадія см. I. A. Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. Harles, V—XI, p. 364 et 371.

²⁾ *Вишевскій*, 282.

³⁾ „Слово, *Ипопоеъ*, 362—363; „Путешествіе“, *Сазаровъ*, 81; Вторая Софійская лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 152; Воскресенская лѣтопись, тамъ же, т. VIII, 100; Никоновская лѣтопись, ч. V, 124—125; *Древняя Россійская Вислѣовка*, VI, 49.

⁴⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 999, 20 л.; великій князь Василій Васильевичъ родился въ 1415 году.—Воскресенская лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 87.

Въ Повѣсти редакціи „Слова“ приводятся слова, сказанныя будто бы императоромъ греческимъ папѣ Евгенію, когда въ Феррару прибылъ Исидоръ: „яко восточніи земли суть рустини и большее православіе и высшее христіанство бѣлыя Руси, въ нихъ-же есть государь великій, братъ мой Василій Васильевичъ, ему же восточніи царин прислушаютъ и величїи князи съ землями служатъ ему; но смиренїя ради благочестїя, и величествомъ разума благовѣрїя не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскихъ своихъ земель православїя“. Къ этому составитель добавляетъ еще отъ себя: „и того ради ожидающе (Исидора) не сбороваше мѣсяцевъ шесть“¹⁾. Совершенно невѣроятно, чтобы императоръ могъ сказать подобныя слова; они принадлежатъ составителю и обличаютъ его собственныя тайныя думы о величїи русской земли. Русскому книжнику, увлеченному національнымъ самолюбїемъ, могло дѣйствительно показаться, что греки и латиняне не открывали соборныхъ засѣданїй, ожидая Исидора; по на самомъ дѣлѣ они ожидали на соборъ западныхъ государей и епископовъ²⁾.

Въ Новгородской Повѣсти называются такіе греческіе митрополиты, которыхъ вовсе и не было на Флорентійскомъ соборѣ, именно: Софронїй Агїйскїй и Исаїя Переспимскїй. Въ Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца и въ „Путешествїи“ Симеона находится болѣе или менѣе вѣрный списокъ греческихъ архїереевъ, прибывшихъ на Феррарскїй соборъ; но въ этомъ перечисленїи по русскому обыкновенїю почти до неузнаваемости искажены греческія названїя митрополїй, и притомъ названы такіе митрополиты, которыхъ совсѣмъ не было на Ферраро-флорентійскомъ соборѣ (Каласїйскїй Геннадїй и Ахелонскїй также Геннадїй³⁾). Въ Новгородской Повѣсти и въ Повѣсти редакціи „Слова“ открытіе Феррарскаго собора приуро-

¹⁾ „Слово, Поповъ, 364—365; „Путешествїе“, Сахаровъ, 85; Вторая Софїйская лѣтопись, Полное Собранїе Лѣтописей, т. VI, 152—153; Воскресенская лѣтопись—тамъ же, т. VIII, 101; Псконовская лѣтопись, ч. V, 129; *Древняя Россійская Визлїовика*, VI, 51—52.

²⁾ А. В. Горскїй, *Исторїя Флорентїйскаго Собора*, Москва, 1847 г., 67—70. Нужно замѣтить, что вышеозначенная исторїя составлена на основанїи трудовъ Сиропула и Дороея Митилевскаго—очевидцевъ и членовъ Флорентїйскаго собора.

³⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 8 л. Въ повѣсти „Обзора“ Софронїй называется митрополитомъ Анкїрскимъ, а Исаїя—Тристїнскимъ; Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца, *Древняя Россійская Визлїовика*, VI, 37, „Путешествїе“, Сахаровъ, 85; А. В. Горскїй, *Ср. Исторїя Флор. собора* 88.

чивается къ 26-му сентября, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это было 8-го октября, съ чѣмъ согласны и Путевыя Записки и „Путешествіе“ Симеона ¹⁾).

Тѣ рѣчи, которыя приписываются въ сказаніяхъ Марку Ефесскому, въ дѣйствительности не принадлежатъ ему; онѣ отъ начала до конца представляютъ изъ себя чисто-русское произведеніе, въ которомъ отображаются чисто-русскія воззрѣнія.

Нѣкоторые факты въ сказаніяхъ просто вымышлены. Тамъ разказывается, напримѣръ, какъ послѣ одной рѣчи Марка папа вмѣстѣ съ кардиналами, архіепископами и епископами убѣждалъ изъ залы соборныхъ засѣданій ²⁾, разказывается, какъ папа давалъ грекамъ денегъ, лишь бы только они уѣхали въ свою землю, „не укоривше“ латинянъ ³⁾, разказывается даже про чудеса: философъ Іоаннъ и Флорентійскій (латинскій) архимандритъ Амвросій везанно умирають по слову Маркову—первый за то, что злословилъ Ефесскаго митрополита, послѣдній за то, что старался отъ имени папы подкупить его ⁴⁾. Понятна тенденція этихъ измышленныхъ разказовъ. Еще большимъ баснословіемъ отличается Исторія Курбскаго, гдѣ разказывается о козняхъ „великаго мѣста Родиса опата (аббата) пребогатаго, или майстра“, о страданіяхъ и смерти во время Флорентійскаго собора многихъ греческихъ епископовъ, пресвитеровъ и клириковъ, о разореніи латинянами Аеонскихъ монастырей ⁵⁾. Отъ начала и до конца—все это вымыселъ, заимствованный Курбскимъ изъ исторіи о Ли-

¹⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 11, 12, 13 и 14 л., „Повѣсть“, *Поповъ*, 347, 349—350; „Слово“, *Поповъ*, 366—369; Вторая Софійская лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 153—155; Воскресенская лѣтопись—тамъ же, т. VIII, 102—104; Никоновская лѣтопись, ч. V, 180—185; *Древняя Россійская Визліовка*, VI, 53—58. Ср. *А. В. Горскій*, Исторія Флор. собора, 75—80, 83, 108—119, 138.

²⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 11—12 л.; „Повѣсть“, *Поповъ*, 347—348; „Слово“, *Поповъ*, 386; „Вторая Софійская лѣтопись“—Полное Собраніе Лѣтописей, т. VI, 154; Воскресенская лѣтопись—Полное Собраніе Лѣтописей, т. VIII, 108; Никоновская лѣтопись, ч. V, 184; *Древняя Россійская Визліовка*, VI, 56. Ничего подобнаго не было: см. *А. В. Горскій*, Исторія Флор. собора.

³⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 13 л.; „Повѣсть“, *Поповъ*, 351—353. И этого не было: см. тамъ же.

⁴⁾ Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 16—17 л., „Повѣсть“, *Поповъ*, 351—353. И этого не было: см. у *Горскаго* въ Исторіи Флор. собора—тамъ же.

⁵⁾ Сказанія, 263—266.

стрийскомъ соборѣ. Одинъ католическій писатель къ своему сочиненію, изданномъ на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ въ 1605 году и направленномъ противъ исторіи о Листрійскомъ соборѣ, говоритъ слѣдующее: „у клирика острожскаго (который только *напечаталъ* эту исторію при своей „Отписи“) столько вымысловъ, что *i sam djawol s piekla niemoi bolsze wymysliti*“¹⁾. Нельзя не согласиться до нѣкоторой степени съ этимъ отзывомъ. Собственные ли это вымыслы автора исторіи о Листрійскомъ соборѣ, или онъ заимствовалъ ихъ откуда нибудь—рѣшить этотъ вопросъ по неизмѣннѣ даннымъ трудно. Впрочемъ, одно указаніе на этотъ счетъ мы находимъ въ „Апокрисисѣ“ Христофора Филалета. Въ одномъ мѣстѣ этого сочиненія говорится... „соборъ Флорентійскій, по свидѣтельству *греческихъ* и славянскихъ исторій, разрушенъ аббатомъ родійскимъ“²⁾. Подъ славянскими исторіями здѣсь очевидно, разумѣются Исторія о листрійскомъ соборѣ и Исторія Курбскаго. Для насъ важно то, что разказъ о родійскомъ (родосскомъ) аббатѣ, по свидѣтельству „Апокрисиса“, находился и въ греческихъ исторіяхъ; къ сожалѣнію, только неизвѣстно, въ какихъ. Вѣроятно вотъ изъ этихъ-то греческихъ исторій авторъ исторіи о Листрійскомъ соборѣ и заимствовалъ всѣ свои басни.

Ф. Делекторскій.

¹⁾ Вишевскій, 315.

²⁾ Апокрисисъ, 70.